

(л. 160)

День третий
7 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(л. 161) **Председатель**

Разрешите открыть заседание. На повестке дня — прения по докладу тов. Аптекаря. Я просил бы тех, кто желает поставить вопросы, сделать это сейчас.

Бунак

Я должен сказать, что я в значительной части интересуюсь тем, что сказал тов. Аптекарь, но я хотел просить дать несколько разъяснений, в частности о том, что является наиболее практически важным: о его взглядах относительно значения этноса, а также попутно по вопросу о расе. Докладчик указал, что сущность этноса — он привел мнение проф. Яковлева — есть проекция существовавших национально-классовых отношений в прошлом. Относительно рас он сказал, что это есть проекция феодальных отношений. Я не понял: какие отношения, какие проекции, и если и тут, и там проекция, то какая разница? Потом для меня неясно относительно самого понимания им этноса. С одной стороны, он сказал, что ак[адемик] Марр доказал, что этнос не существует, с другой стороны, он сказал, что этнос существует. В конце концов, как же следует понимать это положение? И если ак[адемиком] Марром доказано, по словам докладчика, что этот этнос не существует, то надо ли делать такой вывод, что и расы не существуют? Как на этот счет нужно представлять себе мнение тов. Аптекаря?

Следующий вопрос заключается в том, что тов. Аптекарь утверждал, что понятие «культура» в марксистской литературе оценивается именно как «из верхнего этажа» — как надстройка, а не как база, разумея под культурой совокупность известных технических и прочих особенностей. Я не вполне уловил, на какой именно источник, аргумент он ссылаясь, утверждая это. Было бы желательно точнее этот источник выяснить.

Последний вопрос, который тоже не вполне ясен. Раз этнос

<л. 162 отсутствует>

(л. 163)

...Если ответ будет положительным, то в каких взаимоотношениях культура в этом смысле будет находиться с обществом в его представлении?

Председатель

Больше нет вопросов?

С места

Разрешите вопрос. Я хотел бы просить, чтобы тов. Аптекарь дал определение этноса в его понимании, потому что для меня это не ясно.

Председатель

Как мы считаем, ответит ли докладчик на вопрос сейчас или в заключительном слове?

Голоса с мест

Просим сейчас.

Председатель

Вам дается для ответа на вопросы 10 минут.

Аптекарь

Мне кажется, что в заданных вопросах в значительной мере отразилось то основное противоречие, которое можно констатировать на данной конференции. Противоречие между метафизическим и диалектическим подходами. Я оставляю пока в стороне другие моменты, связанные с этим. Вот этнос и <нрзб.>. Для этнологов этнос выступает как некая ипостась, а не как историческая категория, потому что они этот этнос находят на всех этапах общественной формации, бывших и имеющих сейчас. Для марксиста этнос, как и нация и всякая другая категория, является категорией исторической, то есть возникает на определенной ступени, в определенном временном отрезке существует и на определенной стадии исчезает. Поэтому я рассматриваю этнос (может быть, некоторые товарищи это прослушали) как одну из ступеней или одну из стадий в историческом развитии производственного коллектива. Когда я говорил по поводу этноса и указывал, что этнос является проекцией классовых и прочих отношений в современном обществе на прошлое, то я как раз говорил не об этносе в марксистском понимании, а о том понятии этноса, которое употребляют и этнологи-немарксисты.

В чем заключается феодальный метод в науке? Он заключается в понимании расы. Именно в эпоху феодализма вы находите особенно четкое распределение на расы как совершенно чуждые друг другу [единицы?] (л. 164), между которыми лежит непреодолимая грань, и эти самые феодальные воззрения вы находите и сейчас в некоторых антропологических теориях. Я думаю, что профессор Бунак это знает не хуже меня. Для нас в каждой науке, особенно общественной, существует отражение классовой идеологии, и когда здесь говорили о развитии этнографии, надо было сказать, что наряду с другими методами существует и этнография феодальная, и этнография типа русского, помещичьего и т.д.

(л. 165) Теперь относительно вопроса, который задал тов. Преображенский, — это о взаимоотношении общества и культуры, и тут же параллельно я дам ответ проф. Бунаку о том, на какой источник я ссылался, рассматривая культуру. Надо сказать, что любой учебник исторического материализма может служить для этого достаточным источником и может дать нужные справки. Вы имеете у Маркса такую формулировку, что общество — совокупность производственных отношений, возникающих между людьми совершенно независимо от объединения их в процессе производства¹. В понятие общества для марксиста входят следующие элементы, из которых общество само конструируется, — люди и отношения людей, а база общества — отнюдь не общественный базис является определяющей силой. Люди выступают в данном случае как категория рабочей силы, и если говорить о культуре, то здесь мешаются и идеи, и вещи, но не люди, люди с марксистской точки зрения в состав культуры не входят. Вот взаимоотношения между обществом и культурой. Я пока отвечаю на вопрос и не могу развить специальной главы исторического материализма о производственных отношениях, могу лишь порекомендовать проф. Бунаку для этого Лебедева “Zur Kritik der politischen Ökonomie”².

Последний вопрос — это вопрос по поводу школьной науки и теоретической. Для меня вопрос о построении науки является вопросом теоретическим. В такой плоскости я и беру, а не вопрос о преподавании. Реально в нашей советской трудовой школе 2-й ступени имеется такой предмет, как обществоведение, куда входят все общественные науки, но я не думаю, чтобы можно было говорить о существовании такой науки, как обществоведение в целом. Если речь идет, например, о том, что необходимо наличие людей, которые должны иметь малую энциклопедию, и вы будете как-то называть этих людей, например, этнографами, это не будет правильно. То же самое как при наборе людей в ротную школу, которым ставится целый ряд требований, а именно — чтобы они были со здоровыми легкими и т.д., и только после этого их допускают проходить теоретический курс ротного дела, то же, что и при вступлении во флот подводной лодки, и т.д. Значит, и человек, обладающий такими-то и такими-то конкретными навыками, который (л. 166) сможет подойти к отсталым народностям, не будет проявлять колонизаторского чувства. Если так ставить вопрос, то я думаю, что

¹ Возможно, оратор имел в виду именно эти слова Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые отношения, независимые от их воли, производственные отношения [Produktionsverhältnisse], соответствующие определенной стадии развития их материальных производительных сил [Produktivkräfte]. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества» (Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7).

² Имеется в виду: *Marx K. Zur Kritik der politischen Ökonomie*. Berlin, 1859.

не будет никакой проблемы. Я ставил вопрос об этнологии как о науке, а не о школьной дисциплине. Наука — это та, которая имеет методы и устанавливает законы, где нет законов — там нет науки.

(л. 167) **Феноменов**

Я во многом вполне согласен с тов. Аптекарем и думаю, что многие из его положений заслуживают самого серьезного внимания. Мне кажется особенно ценным то, что тов. Аптекарь ставил вопросы прямо, четко и, по-видимому, искренне желая разрешить стоящую перед нами проблему. А затем его мужество: в данном случае он вступает в бой без щита и забрала, можно сказать, совершенно обнаженный; поэтому много ядовитых стрел вопьется в его тело во время прений. Я займусь более мирным делом.

Я согласен с первым положением, выдвинутым тов. Аптекарем: брак по любви лучше брака по расчету. Образец брака по любви — союз между яфетической теорией и марксизмом. Здесь обе стороны стихийно тяготеют друг к другу, поэтому их союз заключается вполне естественно и является прочным. Этнология — в лице докладчиков — чужда марксизму, но делает вид, что она без него жить не может. Здесь перед нами попытка заключить брак по расчету. Я не знаю, насколько правильно понял тов. Аптекарь скрытые намерения докладчиков. Может, здесь яду больше, чем истины. Но его основное положение, что из брака по расчету толку не будет, вполне правильно.

Второе положение тов. Аптекаря — то, что докладчики не определили отношения своей науки к другим наукам и особенно к социологии, — это положение надо признать не только правильным, но и неотразимым. Если докладчики будут стоять на той точке зрения, (она особенно ярко выявлена, замечу от себя, у Толстова), что этнография изучает всякие общественные формации и что она, в сущности, покрывает и экономику, и историю, и ряд других наук, мы будем без конца топтаться на одном месте.

Правильно и третье положение тов. Аптекаря, связанное со вторым: стремление возвести этнологию на неподобающее ей высокое место, стремление заменить этнологией социологию, коренящееся, в конце концов, в реакционных течениях буржуазной науки конца XIX и начала XX в., сознательно или бессознательно воспринято докладчиками (особенно тов. Толстовым), что делает довольно безнадежной их попытку создать марксистскую (л. 168) этнологию.

Но в одном я не могу согласиться с тов. Аптекарем: нельзя направлять громы и молнии ортодоксальной марксистской критики против этнологии как науки вообще. Следовало эти громы и молнии направить против определенной этнологической школы, именно против культурно-исторической школы (школы Гребнера). Тов. Аптекарь как будто сомневается вообще в том, возможна ли этнология (правда, он делает маленькую уступ-

ку и говорит, что можно изучать быт, но это сказано мимоходом). Сомнение в праве этнологии на существование в устах марксиста странно. Марксисту следовало бы знать, что этнология, и именно марксистская этнология, существует почти столетия. Когда мы здесь говорим о создании марксистской этнологии, мы совершаем не акт «самобытного творчества», а акт «заимствования». Марксистская этнология, — впрочем, лучше бы условиться называть ее этнографией, чтобы тем пресечь самую мысль о смешении ее с социологией, — так вот марксистская этнография получила свое начало тогда, когда появилась книга Моргана «Древнее общество». Маркс и Энгельс признали, что Морган самостоятельно и чисто по-марксистски проработал историю доклассового общества и что он может считаться одним из основоположников теории исторического материализма. (Здесь был, так сказать, брак по любви.) (л. 169) Я думаю, что с этим именно содержанием, как историческая наука о доклассовом обществе, этнография и теперь остается одной из подсобных исторических наук, имеет скромное теоретическое, но огромное практическое значение. Культурно-историческая школа мало прибавила к тому пониманию этнографии, которое дано Морганом и его последователями. Культурно-историческая школа вовсе не вдвинула этнографию в число исторических наук. Это сделал Морган (так это всегда и понимается марксистами). Да и самый термин «исторический» основоположники культурно-исторической школы присвоили себе неправильно. Ведь они понимают его так, как понимает этот термин школа Риккерта¹, то есть, с точки зрения марксистов, не научно.

Не могла культурно-историческая школа внести в этнографию исторического метода. Он применен уже Морганом, и притом двояким образом: как способ расчленения данной современной действительности на диалектически связанные между собой ступени (метод переживаний) и в смысле сопоставления территориально обособленных, но этнологически подобных явлений для установления эволюционного ряда (сравнительно-исторический метод).

Единственная заслуга культурно-исторической школы — то, что она разработала и широко применила географический метод в изучении отдельных элементов культуры и их комплексов. Но и здесь дорога проложена Морганом. Уже у него находим не один, а два эволюционных ряда (один — для Америки, другой — для Старого Света) — Кунов в своей новой работе, когда решается сопоставить германцев и инков, идет вспять в до-моргановский период. Однако все же в разработке этого метода куль-

---

¹ *Риккерт Генрих (Heinrich Rickert)* (1863–1936) — немецкий философ-неокантианец. Разрабатывал философию ценностей. Один из основателей Баденской школы неокантианской философии. Феноменов имеет в виду именно эту школу.

турно-исторической школой сделано много, и этот метод должен в марксистскую методологию — *Mutatis mutandis*¹ — войти.

Итак, этнография есть подсобная наука, изучающая историю доклассового общества, используя для этого материал современного быта. Но она изучает быт динамически, то есть изучает и его изменения при переходе доклассового общества в высшие общественные формации. У нас практическое значение этнографии огромно, так как еще очень многие социальные и этнические группы стоят на ступени доклассового общества или на переходной ступени. Но практически этнограф работает вместе с другими специалистами, комплексным методом. Иначе он работать не может. С этнографом-империалистом надо поко[нчить].

(л. 170) *Крейнович*

Я слышал, товарищи, три характерных выступления. Начну с выступления проф. Богаевского, который выдвинул вопрос о том, что нам надо поставить какие-то границы между терминами «этнология» и «этнография». Я не буду спорить относительно этого, надо же дать в конце концов работу людям, пусть они занимаются спором на словах.

Затем выступление тов. Аптекаря, которое сводилось к тому, что понятие «этнос» существует, но это понятие обосновать материалистически, по-марксистски мы не сможем, и поэтому построить на основе материалистического понимания истории этнографию мы не сможем.

Голос с места

Вы поняли меня неправильно.

Крейнович

Я извиняюсь, если понял Вас не так.

Сейчас я хочу остановиться на выступлении тов. Преображенского. Несмотря на то что профессор Преображенский — этнолог, является чрезвычайно странным, что в течение 5 минут я не слышал ни одного слова об этнологии, хотя его доклад и назывался «Этнология и ее методы». Этнологию он определяет как отрезок исторической науки. Задача этнологии сводится к тому, чтобы совместно с целым рядом социологических наук в будущем построить единую картину развития человечества. Я хотел бы сказать, что нельзя смешивать перспективные задачи всех социологических наук с конкретными задачами данного момента. Политическую экономию нельзя называть наукой. Вы выдвигали, что исходным пунктом этнографического анализа должно быть изучение хозяйственно-технического ареала. Я должен сказать, что мне абсолютно неизвестно, что это такое и каковы способы изучения хозяйственно-технического

¹ «С изменениями, с оговорками» (лат.).

ареала. В связи с этим хочу дать определение этнографии, а именно: этнография есть наука о культуре тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и общества.

(л. 171) <...> Этнография есть наука о культурном мышлении тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и строительства, а также о пережитках, бытующих в среде народов современных капиталистических государств, доставшихся в наследие от прежней социальной формации. Можно задать вопрос: а африканский народ, например, подлежит нашему изучению? Конечно, мы — этнологи — и это будем изучать. Я подчеркнул, что этнография изучает пережитки, бытующие среди народов современных капиталистических государств. Возьмем СССР: до Октяб[рской] революции проживала огромная масса народов, тех самых крестьян, которые в процессе своего экономического развития достигли капиталистических форм хозяйства, — будут ли они подлежать нашему изучению? Конечно, это будет относиться к народам, пребывающим в состоянии торгового капитала.

Теперь такая вещь. Я работал два года среди гиляков и хотел на основании своей практической работы выдвинуть такое положение: что нужно брать за исходный пункт этнографического анализа? Если бы тов. Преображенский дал определение, каким образом мы можем установить хозяйственно-технический ареал, я мог бы спорить с ним, я мог бы выдвинуть другую точку зрения; я тут возражать не буду, потому что мне непонятно, как он будет определять ареал, например, в Амурском районе; жители там занимаются рыболовством; там есть река Амур, — этим Вы будете определять? Или по-другому? Я считаю, что за исходный пункт надо брать конкретные факты, народы, этнос.

Мы, практические полевые этнографы, подкованные практическими знаниями, приезжаем в определенное место заниматься изучением определенного народа. Что мы должны здесь изучать? Мы должны изучать социально-экономические формации данного народа. До сих пор было такое положение, что очень многие этнографы шли по линии наименьшего сопротивления: они приезжали в определенный район и собирали материал; скопилось огромное количество материала, относящегося к материальной культуре, к религиозной культуре, устанавливаются кое-какие связи, устанавливается идентичность. Я бы назвал это изучением в вертикальном разрезе. Я считаю, что от этой стадии этнографического (л. 172) изучения, когда изучаются разные стороны культуры вне связи с другими сторонами культуры, надо отказываться; получается много элементов, которые не связаны между собой. Например, поехал ученый к осяткам и дал описание одежды; другой дал описание религии; теперь попробуйте все эти отдельные элементы увязать, сцепить, дать комплекс; ничего не получается...

(л. 173) Фактически получается то, что говорит академик Марр. Он говорит, что у нас создалось такое положение, что имеется много ученых, которые повторяют зады отдельных книжек и по ним пытаются составить теорию. При повторении задов этих книжек у них получается отрыв научной теории от действительных вещей, вещей-слов, вещей-предметов. И показать сцепление их становится уже невозможным. Я могу закончить вот чем. Что изучение этнографии должно начинаться с конкретной народности. Мы должны начинать с изучения экономической формации данной народности. Географическая среда ясна. На ее фоне мы изучаем хозяйство, изучаем разделение труда, создавшееся на основе этого хозяйства, социальную организацию этого общества и изучаем отражение хозяйственных и социальных форм на религиозно-духовной культуре данной народности. Изучая народность таким путем, мы получаем необходимый охват, характеризующий циклы хозяйственных явлений, и сможем в действительной жизни установить взаимоотношения между целым рядом сторон, баз и надстроек.

Председатель

Ваше время истекло. У нас записалось еще много желающих.

Крейнович

Разрешите одну минуту.

Голоса [из зала]

Просим.

Крейнович

Дальнейшим пунктом нашего анализа является выяснение всего комплекса культурной среды данной народности, создавшей определенный уклад экономической жизни. Мы увидим, что имеется много сторон культуры, не объясняющихся данным укладом хозяйственной жизни. Что это такое? Это пережитки, которые имеются не только в капиталистической среде, но и среди низкокультурных народов. Они не объясняются степенью хозяйственно-экономического развития.

Затем вы будете иметь <нрзб.> ряд элементов культуры заимствованных. Вы не сможете выяснить данную хозяйственно-экономическую формацию, и тут, я считаю, изучение должно пойти по пути изучения групп, окружающих данную народность, откуда могли произойти те или иные заимствования. Таким образом вы сможете установить хозяйственно-технический ареал. Теперь я считаю вот...

Председатель

Довольно.

Голоса [из зала]

Не по существу... Докладчик говорит не по существу.

(л. 174) Прокофьев

Я не буду здесь говорить о методологических вопросах, но хочу лишь ответить тов. Аптекарю на его выступление по моему адресу. Когда я говорил относительно религии, то я говорил исключительно об антирелигиозной пропаганде, но не о приемлемости или неприемлемости той или иной религии. Я подтвердил высказанный тов. Толстовым взгляд о том, что действительно те методы антирелигиозной пропаганды, которые мы употребляем здесь, на другой платформе, в частности на платформе наших отсталых народностей, совершенно не приемлемы. Там должны быть какие-то другие выработанные методы, совершенно специфические для той среды. Я указывал на то, что даже лозунг «Религия — дурман для народа» должен быть как-то изменен на той платформе. Но я отнюдь не собираюсь говорить о том, что там нельзя вести антирелигиозную пропаганду, и если тов. Аптекарь говорит, что для нас одинаково неприемлемы «свежая» и «тухая» религия, то я совершенно не знаю, откуда он взял эти термины. Я взял лишь момент, когда религия употребляется как эксплуатация.

(л. 175) Маторин

Товарищи, прежде всего я хотел сделать несколько замечаний вводного характера. Может быть, для противников исторического материализма доставило или могло доставить некоторое удовольствие, что на этой трибуне дерутся между собой марксисты, что вот насколько марксизм — такая неразработанная вещь, что они сами не могут между собой столкнуться. Я хотел разочаровать сторонников такой школы, которые, может быть, и не представлены на этой конференции, но которые где-нибудь в социальной атмосфере имеются в виде таких микроорганизмов. Я думаю, что есть целый ряд вопросов принципиального характера, с которыми мы все с тов. Аптекарем совершенно согласны; но есть ряд конкретных вопросов в отношении той науки, в которой мы все работаем, ради которой мы собрались здесь, и тут с точки зрения приложения марксистского метода к этим вопросам у нас есть, действительно, расхождение. Мы должны выработать такой модус и в результате практической работы должны прийти к определенным положительным выводам.

Нужно сказать, что я с большим вниманием, с самым искренним товарищеским вниманием слушал, что говорил тов. Аптекарь, но у меня создалось впечатление такое же, как у М. Н. Лядова, что «обещал большое кровопролитие, а чирика съел». Дело в том, что тов. Аптекарь берет на себя монополию знания марксистского метода. Он говорит, что, мол, у него

есть два утверждения; по-моему, это есть кватернис термином¹: с одной стороны, у него этнология сводится к социологии, а с другой стороны, этнологии совершенно не существует. Как это увязать? Такая постановка вопроса обязывает определить отношение этнографии или этнологии к истории. Я стою на той точке зрения, что есть на свете одна наука — история, которая имеет два основных раздела: историю народов и историю общества. Если подходить с такой точки зрения, то, конечно, этнология есть как часть исторической (л. 176) науки, как часть науки о человеческом обществе. В такой постановке вопроса я согласен с тем, что говорил Петр Федорович в первом докладе. Метод этнографии и этнологии — в данном случае спор о словах несущественен — в основе тот же, что у всех общественных наук; но, конечно, в каждой науке есть свои специфические научные методы: одни — у археологов, другие — у фольклористов и этнографов. В этом смысле этнография имеет свои специфические методы, но вытекающие из общего материалистического подхода к общественным явлениям.

Тов. Аптекарь нападает на самое понятие культуры и говорит, что мы должны признать приоритет общества над культурой. Я думаю, мы можем говорить только о культуре человеческой, о культуре, присущей только общественному человеку. Но что вкладывается в эту культуру? Конечно, буржуазная наука может в это понятие вложить все что угодно; но разве наша марксистская наука этого термина не употребляет? Мы имеем его у Лафарга², у Покровского в его «Очерках по истории русской культуры»³. После этого страшно будет говорить «да» и «нет», потому что эти слова тоже говорятся буржуазными учеными. Я слова «диалектик» вовсе не боюсь; я даже привел конкретный пример, где это слово употребляют и не боятся. Затем в отношении диалектического подхода я как раз этот пример и приводил. По-моему, метод исторического материализма есть метод диалектического материализма в применении к общественным процессам. Я не знаю, какую Америку открыл тов. Аптекарь.

Далее тов. Аптекарь говорил в отношении социально-экономической формации. Это тоже понятие, которое дано и Марксом, и Лениным.

¹ Лат. *quaternio terminorum* (досл. «учетверение терминов») — логическая ошибка в простом категорическом силлогизме, обусловленная нарушением правила, гласящего, что в силлогизме должно быть только три термина. Ошибка состоит в том, что в силлогизм включают четыре термина. Обычно это происходит благодаря тому, что слово, играющее роль среднего термина, в одной посылке выражает одно понятие, а в другой посылке — иное понятие. Пример: «Все металлы — элементы, латунь — металл, следовательно, латунь — элемент».

² Лафарг Поль (Paul Lafargue) (1842–1911) — французский экономист и политический деятель, теоретик марксизма. Зять Карла Маркса, муж его дочери Лауры.

³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1915–1918. Ч. 1–2.

Докладчик указывает, что марксизм в докладе моем и докладе тов. <пропуск> является средством укрепления уже готового здания. Извините, нет: Вы подходили к этому зданию, Вы ходили вокруг здания этнографии, а внутрь не пытались войти ни разу, а мы давали конкретные примеры. Я приведу еще один пример, который показывает, что ко всем этнографическим (л. 177) явлениям может быть подход марксистский и диалектический. У марийцев существует секта Куму-Сарта¹, которая живет в условиях абсолютного натурального хозяйства, не принимает фабричных изделий, кроме чугуна и стекла, не употребляют мыла, керосина; сеют картофель, не сеют льна, потому что лен поздно появился и семена его тонут в воде; они не признают спичек, а для целей хозяйственных пользуются первобытным способом добывания огня. Представьте себе, что эта секта существует; мы имеем ее этнографическое описание, но, к сожалению, это описание грешит отсутствием выводов. А когда мы делаем выводы, то видим, что перед нами секта, выросшая в условиях натурального хозяйства в таких уголках, куда не достигает влияние города, где слабо классическое расслоение деревни, — перед нами глубоко отсталая, реакционная секта. Я не знаю, будет ли мое объяснение марксистским. Теперь очень затруднительно говорить с тов. Аптекарем: он сразу скажет: «Ты — ползучий эмпирист». А я думаю, что научный работник, если он марксист, он берет конкретное явление и объясняет его с точки зрения марксистского метода.

Своей придиричностью тов. Аптекарь, действительно, заслуживает название талмудиста. Я не хотел бы солидаризировать с механистами, которые по другим поводам называют деборинскую школу талмудистами. Я напому только одно тов. Аптекарю, что как раз Деборин² упрекал Тимирязева-сына³ в том, что он мало занимается физикой, а занимается отвлеченными вопросами. Позвольте, как можно так передергивать? С одной стороны, упрекать физика, материалиста, диалектика в том, что он своей наукой мало занимается, с другой стороны, перед Вами выступают этнологи, которые пытаются к конкретным явлениям применить конкретный метод исторического материализма, но Вы ни словечка не возражаете по конкретному вопросу, а, как говорят, «лупите мимо Сидора в стенку». Простите, так нельзя.

¹ Имеется в виду Кугу-сорта (Чи-мари) — религиозное движение среди марийцев, возникшее в 70-х годах XIX в. в среде крещеных марийцев Яранского уезда Вятской губернии.

² Деборин Абрам Моисеевич (Иоффе, 1881–1963) — советский философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР. Профессор (1935), академик АН СССР (1929).

³ Имеется в виду Тимирязев Аркадий Климентьевич (1880–1955) — советский физик, приемный сын биолога К. А. Тимирязева. Известен своим отрицанием теории относительности и квантовой механики. Маторин в этом споре приводит имя Тимирязева, имея в виду, что тот являлся одним из лидеров философского фронта «механистов» в советской науке.

Я хотел сказать несколько слов относительно понятия «этнос». Я согласен с тов. Аптекарем, когда он сказал, что мы, марксисты, должны понимать его диалектически, как понятие (л. 178) преходящее, как все категории буржуазные, но дело в том, что это понятие преходящее, — я с этим согласен, — но оно приходит очень медленно; если бы не пришлось изучать эти этнические особенности, то не было бы и национального вопроса в СССР. Наши учителя-марксисты говорили, что практикой мы должны проверить истинность своего мышления.

Теперь относительно теории Н. Я. Марра. Вопрос о теории Марра здесь у нас не ставился, но я лично думаю, что он должен на этнографическом съезде стать. Вопрос о теории Н. Я. Марра имеет прямое отношение к целой группе общественных наук, потому что в лице яфетической теории лингвистика вышла за свои собственные пределы и должна была соприкоснуться с материалами других общественных наук. Для истории нашей страны, для скифской и средиземноморской проблемы — для всех этих вопросов яфетическая теория имеет колоссальное значение, и я думаю, этнографы должны заняться ею по существу. Может быть, яфетическая теория является такой теорией, которая опровергает конкретное исследование? Наоборот, яфетическая теория ставит его на новые рельсы; она облегчает нам изучение движения, изменения отдельных культурных институтов, отдельных черт, присущих быту или другому народу.

Относительно понятия «быт». Я соглашусь с М. Н. Покровским, что понятие «быт» не научное; между тем это понятие употребляется до настоящего времени. Если возьмем старые работы, то там, как, например, у Лафарга, понятие «быт» тоже употребляется. Я думаю, что наша задача — не спорить о словах, а попытаться определить, есть ли быт. Быт есть — это факт, от которого не уйдешь. Быт есть факт, который в истории разных народов имеет особые черты. Что нужно положить как основу в деле изучения этого быта? Нужно начинать с отношений производства и распределения, которые существуют в данной формации. Есть вид надстроенных категорий, которые мы должны изучить. Я думаю, что против понятия «быт» нам возражать не приходится.

(л. 179) Можем ли мы сузить понятие этнографии? Да, я думаю, что можно сузить по тем объектам изучения, которые являются до сих пор преимущественными объектами изучения. Мы можем сузить до тех пределов, которые были выведены тов. Крейновичем; мы пока в этих пределах и работаем. Но это не значит, что мы должны отречься от изучения других групп, но основное заключается в изучении быта народов, не стоящих еще на капиталистической ступени развития и, может быть, никогда не дойдущих благодаря тому, что они очутились в Социалистическом Советском Союзе. С другой стороны, сюда входит изучение пережитков в нашем быту.

Я хотел в заключение — тов. Аптекарь был недоволен сравнением с Лассалем — сделать другое сравнение. Перенеситесь в XVIII в.: у Сумарокова есть интересная комедия под названием «Тресотиниус»¹. «Что за дело имеете Вы, государь мой?» (*Аплодисменты.*)

Поэтому я думаю, что, несмотря на Ваш громкий доклад, тов. Аптекарь, — не по сущности, а по намерению, — этнографам, и материалистам, и диалектикам, предстоит еще большое поле деятельности.

(л. 180) *Ильин*²

Товарищи, второй год носит тов. Аптекарь имя антиэтнолога: в прошлом году — в Москве, ныне — в Ленинграде, вот на данном заседании. Некоторые склонны видеть в нем один «аптекаризм», но я думаю, что его точка зрения близка к точке зрения академика Марра, поставившего на очередь вопрос о переделке этнографии. Если сравнить прошлогоднее выступление тов. Аптекаря в Комакадемии с нынешним, то наше впечатление от сегодняшнего его доклада несколько иное, чем в прошлом году. В самом деле, какие основные выводы вытекают из доклада тов. Аптекаря? Эти выводы заключаются: а) в необходимости сопоставления этнологии с социологией; б) в примате общества над культурой; в) в немыслимости этнологии без этноса, что, в свою очередь, не противоречит признанию тов. Аптекарем за этносом объективной реальности; г) в стадийном состоянии этнологии как социально-экономической формации; д) в попытках предоставления этнологии места в классификации наук; е) в методе этнологии, на что до сих пор обращалось мало внимания.

Многие товарищи, выступавшие по данному докладу, эти принципиальные выводы тов. Аптекаря признали верными, тогда как в прошлом году сторонников у него было мало. Из этого [следует] более правильная позиция тов. Аптекаря по сравнению с прошлым годом.

Что касается предыдущих докладов, то в таковых проскальзывают следующие недостатки: а) тенденция к этнографизации исторической науки или, вернее, примат этнографии над историей; б) раздвижение истории до пределов земного шара зависит будто бы от этнологии, но такая исключительная роль ее весьма сомнительна; в) структура СССР в практическом докладе исходила будто бы только из этнических элементов, между тем если вспомнить историю возникновения СССР, то главными причинами такового были хозяйственно-экономические предпосылки. Например, районирование происходит не по этническим, а по экономическим признакам края; г) этнологию признавали полностью или частично историей.

¹ Комедия А. П. Сумарокова «Тресотиниус» (1750), в которой высмеивались педантизм и псевдоученость главного героя.

² Установить личность не удалось.

Историческое развитие этнологии пережило стадии: любительскую, естественно-историческую (антропологическая), историческую. А на настоящей конференции некоторыми товарищами этнология определялась (л. 181) как наука по изучению докапиталистического состояния народностей.

Все это, вместе взятое, говорит, опять-таки, о более верной методологической постановке проблематики в докладе тов. Аптекаря. Правда, как и во всякой работе, имеются ошибки и заслуги и в докладе тов. Аптекаря, но ошибки его по сравнению с ошибками прежних докладов менее значительны.

В заключение следует в виде справки сказать тов. Феноменову, что не всякое копьеметание против тов. Аптекаря может быть сильным. Мечут копыя и против яфетической теории Н. Марра, но это не мешает ей приблизиться к марксизму. Некоторые из таких копьеметателей не постеснялись демонстративно покинуть зал заседания при обсуждении яфетической теории в Комакадемии в нынешнем году. Но все это, повторяю, доказывает незыблемость марксистско-яфетической теории языкознания.

Далее тов. Маторину нужно сказать о том, что тов. Аптекарь ни в какой мере не высказывался против изучения конкретного этнографического материала, так что обвинение в этом здесь не имеет под собой никаких оснований.

К сожалению, за ограниченностью времени я не успел резюмировать все сказанное здесь по докладу тов. Аптекаря, в котором в основном, за исключением некоторых ошибок, высказаны правильные взгляды в отношении марксистского метода в этнографии.

(л. 182) Преображенский

Тов. Аптекарь требовал, чтобы каждый из докладчиков твердо определил все понятия, с которыми он оперирует. Мне думается, в этом смысле тов. Аптекарь сам себе удружил, а именно — смазал это понятие культуры и сказал в свою пользу. Когда мной задан был вопрос о том, что он понимает, вкладывает в понятие культуры, он на это ответил так, что мы, мол, сами смешиваем школьную научную дисциплину с наукой, таким образом, ввел еще новое понятие — «школьная дисциплина». Здесь уже достаточно говорилось о том, что социология сама по себе оперирует своим специфическим материалом, так что ее можно рассматривать как школьную дисциплину, когда границы школьной дисциплины и науки вообще меняются. Думается, это надо объяснить. С нашей точки зрения, культура является конкретным выражением оформления социально-производительных сил, отношений, сюда входят и орудия, и средства труда, и социология с материалом хозяйственно-экономической формации в различных ее видоизменениях. Модификацией может быть тот пространственно-временной комплекс, который был принят в терминологии. Но это не значило бы обобщить разнообразие всего этого развития и возникновение видоизме-

нений. Выражение родового быта одной по существу формации не одно и то же на различных точках земного шара. Понимать так, как тов. Аптекарь, — значит, превратить марксистскую теорию в догму, в талмуд. Вывод отсюда, мне кажется, совершенно ясен. Затем мы имели несколько вопросов, и в докладе тоже были очерчены вопросы, связанные с понятием «этнос». Можно ли отрывать этот культурный комплекс от различных пространственных изменений понятия этнической группы. С нашей точки зрения, нельзя. Ведь этническое единство является существенным моментом, и Н. Я. Марр говорил об этносе как о классе; он, возможно, применял неопределенные термины, но в этом может быть зерно истины. Мы знаем, что этнос выступает иногда как класс. Мы можем говорить о выявлении (л. 183) компонента гибридных культур. Является ли это двигателем истории и есть ли особенности, которые оперируют только социологией. Да, с нашей точки зрения, имеются эти особенности. Тут товарищ говорил о каком-то браке по любви и по расчету. Я думаю, что у нас есть и брак по расчету. Это есть основное требование всякой методологии, и не надо в этом отношении закрывать глаза на то, что мы понимаем методологию не только по любви, но и из чисто практического интереса.

(л. 184) **Токарев**¹

Говоря по докладу тов. Аптекаря, я буду иметь в виду отчасти доклады предшествовавшие. Основной тезис тов. Аптекаря гласит, что марксистская этнология существовать не может; создать такую науку нельзя и именно потому, что марксистская методология не применима к тем принципам, на которых строится в настоящее время этнология как наука. Нужно ли понимать это утверждение тов. Аптекаря так, что он отрицает существование тех предметов, тех объектов, с которыми этнология имеет дело, или он отрицает применение в их изучении марксистского метода. Тов. Аптекарь хотел сказать, что этнология как особая наука не имеет права на существование или, по крайней мере, что марксистская методология к ней как к особой науке не может быть применена. Прав ли он? Какие аргументы приводились им? Мне кажется, что большая часть доклада была посвящена такой мысли, которая, в сущности, не является аргументом в пользу этой основной идеи; но мне кажется, что мне удалось установить два основных мотива. Во-первых, он говорит, что этнология основывает все свое построение на утверждении о примате культуры над обществом; культура как нечто первичное, к чему все сводится. Этот аргумент, мне кажется, бьет по адресу

---

¹ *Токарев Сергей Александрович* (1899–1985) — советский этнограф. Доктор исторических наук, профессор, в 1956–1973 гг. — заведующий кафедрой этнографии МГУ, заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956) и заслуженный деятель науки РСФСР (1971). Автор книг по этнографии славян, общим проблемам этнографии, а также истории этнографии досоветского периода и зарубежной этнографии.

некоторых этнологов, но не этнологов вообще. Мало ли вообще существует таких течений, в частности марксистская этнология, которые не стоят на этой точке зрения, а утверждают вместе с тов. Аптекарем, что культура есть продукт общественного развития, а общественные отношения являются основными моментами. Многие этнологи употребляют весьма расширенное понимание термина «культура», говоря о социальной культуре, вместо того чтобы говорить об общественных отношениях, социальной структуре или социальном строе. Конечно, спорить о словах не имеет особого смысла, но если мы употребляем термин «социальная культура», то мы расширяем понятие «культура» до такой степени, что оно включает в себя все; линия общественного базиса (л. 185) ставит эту культуру голыми ногами на географическую среду, из которой она непосредственно возникает. Такова точка зрения Богораза. От этой точки зрения этнологам надо отказываться, тогда выпадет одно из оружий тов. Аптекаря.

Другое утверждение тов. Аптекаря о том, что этнология ставит на место изучения общественных формаций изучение культурного ареала. Я думаю, что тов. Аптекарь не прав: понятие культурного ареала не заменяет собой понятия общественной формации, потому что это две вещи разные. Общественные формации — это такие общественные структуры, и их мы насчитываем не больше десятка: первобытное общество, феодальное, капиталистическое, социалистическое; тогда как культурных кругов, этнических районов существует большое количество, потому что культурный ареал — понятие индивидуальное, относящееся к определенному индивидуальному факту.

Таким образом, оба аргумента тов. Аптекаря не являются, по-моему, принципиальным возражением против существования этнологии как науки. Тем не менее я позволю себе высказать мнение, что в суждениях тов. Аптекаря заключена известная доля истины, но ее надо было бы формулировать иначе.

Что такое этнология? Товарищи, выступавшие здесь, давали каждый свое определение; еще большее количество определений осталось невысказанным. Я думаю, что в статье проф. Кагарова¹ перечислена одна деся-

---

¹ *Кагаров Евгений Георгиевич* (1882–1942) — советский историк и этнограф. В 1920–1925 гг. — ординарный профессор Харьковского университета; в 1919–1925 гг. — действительный член Этнографической комиссии при Всеукраинской АН, действительный член Всеукраинской научной ассоциации востоковедения; в 1925–1931 гг. — профессор этнографического отделения географического факультета ЛГУ; в 1931–1937 гг. — ЛИФЛИ; в 1937–1941 гг. — профессор филологического факультета ЛГУ; в 1926–1933 гг. — научный сотрудник, руководитель отделения эволюции и типологии культуры МАЭ; в 1933–1941 гг. — старший научный сотрудник, заведующий кабинетом Европы и Кавказа ИЭ; в 1932–1937 гг. — старший научный сотрудник ИИМК; в 1934–1936 гг. — профессор кафедры северных языков ЛГПИ им А. И. Герцена; в 1939–1942 гг. — профессор кафедры всеобщей истории Педагогического института им. М. Н. Покровского.

тая доля определений. Я не беру на себя задачу давать такое определение, мало того, я думаю, что в теперешнем состоянии этнологии даже нет возможности определить. Из дававшихся здесь определений я возьму те, которые приводят скорее к цели, именно понимание, данное в докладе П[етра] Ф[едоровича] Преображенского и разделенное Толстовым. Он утверждает, что этнология есть та же история, что в ней нет принципиального отличия от истории, — я совершенно согласен, но нужно уточнить: есть ли этнология та же история, совпадает ли этнология с историей? Этнология есть часть истории (л. 186), но какая часть? Как отграничивается эта связь? Здесь мне не удалось добиться четкого ответа. Утверждают, что этнология имеет дело со специфическим материалом, в частности с тем, который лишен письменных источников; этнология имеет дело с живыми пережитками и пользуется поэтому методом ретроспективного анализа. Этот метод является господствующим, но не единственным. Если возьмете капитальное руководство Бернгейма¹, то в числе исторических источников найдете: письменные памятники, материальные памятники, изустные предания, живые пережитки. История пользуется этими методами, так, например, история Англии пользовалась преимущественно этими видами источников. С другой стороны, многие народы мы можем изучать только по письменным памятникам; в таком изучении мы не видим никакой разницы с чисто историческим изучением. Напомню о работе Риверса, который писал историю полинезийского общества. Одним словом, ни принципиально, ни практически этнология не отличается от истории. Разделению на историю и на этнологию соответствует разделение на народы, имеющие письменность, и на народы, не имеющие письменности. Kultur Volker und Natur Volker. Это разделение в настоящее время покидается даже буржуазными историками; нам придерживаться его нет никакой возможности не только теоретически, но и практически. Мы живем в такую эпоху, когда народы, до сих пор не имеющие письменности, получают ее; народы, не имевшие истории, начинают ее иметь. Этот процесс совершается на наших глазах на территории одной шестой земного шара. Не далеко то время, когда этот процесс захватит весь земной шар. Тогда не будет основания выделять этнологию как отдельную науку для народов, не имеющих истории; этнология сольется с историей, не будет оснований для самостоятельного ее существования, как особой науки и — это в идеале — этнология сделается полной исторической наукой. Когда это будет, не будет особого названия, а будет американистика (л. 187), африканистика, австралистика и т.п.

¹ Бернгейм (Бернхейм) Эрнст (Ernst Bernheim) (1950–1942) — немецкий историк, источниковед, методолог истории. Здесь имеется в виду его книга: *Бернхейм Э. Введение в историческую науку*. М., 1911.

Тов. Аптекарь не прав, что эту этнологию нужно упразднить сегодня; этнология, как и всякая наука, декретами не упраздняется. В настоящее время перед нею стоят известные проблемы; она существует и будет существовать впредь до того времени, когда исчезнут условия для ее существования как отдельной науки. Процесс развития науки соответствует известным общественным переменам: когда все народы фактически станут народами, имеющими свою настоящую историю, тогда исчезнет и основание для существования этнологии как отдельной науки.

(л. 188) *Толстов*

Бывают недоразумения всякого рода. Мне кажется, что одним из недоразумений можно считать и доклад тов. Аптекаря на нашей конференции. Это утверждение не является голословным, потому что прежде всего тов. Аптекарь почти ничего не сказал в своем докладе. А то, что он сказал, имеет не научное значение, не имеет характера определенных научных положений, а объясняется чисто психологическими свойствами самого же тов. Аптекаря. Тов. Аптекарь, собираясь на конференцию, позвольте мне сделать такое предположение, заранее знал, что Преображенский, Толстов, Маторин выступят с немарксистскими, может быть, даже антимарксистскими докладами. Тов. Аптекарю нужно было это доказать. Он заранее знал, что марксистской этнологии нет и быть не может, и поэтому всякая такая попытка является заранее немарксистской и антимарксистской попыткой. И действительно, если мы посмотрим на весь доклад тов. Аптекаря, то увидим, что весь доклад построен на одном материале: это материал наших докладов, заслушанных им в первые дни конференции. Тов. Аптекарь, может быть, и очень основательно стремился к тому, чтобы его доклад был отложен на конец конференции. Тогда было бы больше материалов, чтобы строить свой доклад. Когда тов. Аптекарь сюда ехал, у него не было почти никакого материала, кроме убеждения, что этнология не может быть наукой и особенно марксистской наукой. Отсюда все качества самого доклада и всей дискуссии. Любопытно, что если взять все основное содержание доклада, отбросив предисловие, которое заняло 55 минут, то оно, за исключением формулировок, которые вряд ли можно признать приемлемыми, собственно есть попытка с чрезвычайно большим шумом, с большой сенсацией ломиться в открытую дверь. В самом деле, разнятся утверждения, скажем, мои по докладу тов. Преображенского, доклад Преображенского, вводные части докладов моего и Маторина? В чем разница? Разницы нет. Есть разница в выводах, а само содержание, сами методы, на которых эти выводы зиждутся, они одни и те же. Мы сами говорим, что этнология как отдельная наука не может существовать. Мы рассматриваем ее как историческую дисциплину, обладающую своей технической методологией, некоторой своей методикой, некоторыми частными методами анализа своего материала. Общий

метод, конечно, один и тот же. Мы не претендуем на то, на что претендуют многие (л. 189) этнологи. У тов. Аптекаря была предвзятая мысль, что нельзя быть этнологом и марксистом. И это он постарался доказать. Но из его доказательств, собственно, ничего не остается. Он упрекал Маторина в том, что он неумеренно пользуется цитатами, а сам он страдает этим в большей степени. Затем он читал отрывок из Марра. Если Марр протестует против филистерской научной односторонности, то я не думаю, чтобы Марр был сторонником научного нахальства, потому что нахальство не может быть научным. Так что весь доклад тов. Аптекаря был полемикой, попыткой с негодными средствами доказать, что мы не являемся марксистами или не знаем Маркса. Этот менторский тон преподавателя истмата¹ казался мне неуместным, и мне казалось, что нужно было бы доказать, что наши утверждения являются антимарксистскими, а не говорить, что Толстов, пользуясь терминами, принятыми в марксистской социологии, которыми в такой же степени пользовался тов. Аптекарь или Маторин, который пользовался цитатами, как тов. Аптекарь, являются немарксистами, потому что они применяют эти методы, которые достаточно приняты в марксистских кругах. В этом корень зла, и отсюда все качества.

В самом деле, если мы посмотрим на доклад тов. Аптекаря, то увидим, что здесь есть целый ряд немарксистских и просто безграмотных мест. Например, что этнология может быть противопоставлена истмату. Но мне кажется, что если тов. Аптекарь посмотрит, чем мы занимаемся, над чем работаем и будем работать, то он никак не сможет сказать, что мы занимаемся истматом и что этим не следует заниматься. Потому что это не есть социология, и нельзя разграничить резко этнологию и социологию. Разграничение с историей — это другое дело. Это вопрос серьезный. И вполне логично, что именно на этом вопросе и был сосредоточен максимум выступлений.

Тов. Аптекарь выбрал себе действительно неблагоприятную задачу. Потому что ломиться в открытую дверь вообще смешно. А это он делал в течение длительного периода, придавая этим несерьезный, немарксистский характер всему нашему обсуждению, а придавая ему характер схоластики, талмудизма. И если взять в конечном итоге корень вещей, (л. 190) то все сводится к очень простой вещи. Конечно, тов. Преображенский, и Маторин, и я во многом ошибаемся. Конечно, в наших собственных работах и докладах можно найти такие ошибки, которые мы сами признаем, если нам докажут их ошибочность. А тов. Аптекарь не имеет способности ошибаться. Уже давно было сказано, что тот не ошибается, кто ничего не делает. Здесь мы все работаем в деле строения марксистской этнологии, и мы ее построим вопреки вам и многим другим ультралевым и ультраправым. А тов. Аптекарь ничего не делает и поэтому, конечно, ни в чем не ошибается.

¹ Сокращение, образованное от «исторического материализма».

Маркелов

(л. 191) Совершенно не случайно, товарищи, что все выступавшие меньше всего говорят по докладу тов. Аптекаря, именно потому, что воевать-то здесь приходится с ветряными мельницами. Ведь точка зрения тов. Аптекаря очень и очень проста. Этнология, говорит он, собирается просто дублировать социологию, она не дублирует сейчас, но собирается, поскольку выходит из чисто описательных рамок. Описательной науки тов. Аптекарь никакой не признает, отсюда вывод, что этнология не должна иметь место среди научных дисциплин. Это является вполне логичным с точки зрения формальной логики, но не с точки зрения диалектика, марксиста, каким считает себя тов. Аптекарь. Нужно все же учесть те количественные изменения и количественные накопления, которые не делятся без остатка на социологию в той отрасли, которую мы называем этнологией. Этого вы никогда не отнимете от этнологии, кроме того, я считаю, было бы более логично, если бы вы ваше положение распространили на другие науки, как, например, на историю. История — не описательная наука, она изучает конкретные проявления социологических законов или законов диалектического материализма, но изучает недаром. Какие могут быть выводы — что история не нужна, а вам надо сделать этот вывод, но опасность не в этом. Мне кажется, что тов. Аптекарь пошел с точки зрения ползучего, если хотите, эмпиризма, с точки зрения того, что сделано и делается в этой области. В самом деле национальная политика ведет жизнь к культурному строительству этнических групп и т.д., а тов. Аптекарь ведет в своих утверждениях к мракобесию, совершенно невозможному. Вот логический ход его мыслей: этнос есть, национальности тоже существуют, но не существует этнологии науки, которая хочет изучать как раз и этнос, и национальности. Вы были бы более логичны, тов. Аптекарь, если бы начали с другого конца, а именно нужно было бы начать с разрушения того, что уже создано. Есть, кроме этих понятий, кое-что и другое, есть то, что уже создано этнологией, есть целая сеть этнографических, (л. 192) этнологических учреждений, целая сеть школьного строительства среди национальностей, целая армия специалистов в этой области, и я бы понимал, если бы вы начали с разрушения всего этого, взяли бы дубину, прошлись по всем этим учреждениям, разбили все и сказали: этнографии нет, географической этнологии вообще нет. Я скажу, что в прошлом году я вас сравнил с таким героем андреевского типа — с голым человеком на голой земле, думаю и сейчас вас поздравить больше не с чем.

(л. 193) Яковлев

Я должен сказать, что, несмотря на то что многие говорят, что они во всем согласны с тов. Аптекарем, все же тут многие, особенно в кулуарах, высказывают беспокойство по поводу того, что тов. Аптекарь уничтожает

этнологию. Как же тогда останется этнос, кто его будет изучать, а с другой стороны, куда идти безработным этнографам? Я должен успокоить этнографов и этнос, потому что ни того, ни другого тов. Аптекарь не собирается делать: он не собирается уничтожать этнографов с этносом. Насколько я понимаю тов. Аптекаря, он только ставит вопрос: что следует понимать под этносом и как, с другой стороны, организовать изучение этого этноса? Ведь все дело в том, что не всякий объект требует особой науки: вы не будете спорить, что существует стул, но не должна существовать стулология¹. Мне думается, что здесь, конечно, в отношении этноса дело обстоит несколько сложнее и тут встретились бы известные затруднения. Говорят, что спорить о словах не стоит, но я смотрю на дело иначе. Мне кажется, что сейчас положение с этнографией не совсем благополучное: этнография не находится в системе государственного строительства; этнография у нас в государстве находится на положении научного любительства. Как перевести ее на другие рельсы? Какую идеологическую основу подвести под деятельность этнографов? Об этом идет речь. От этого зависит будущее развитие этнографии.

В частности, здесь говорили об этносе. Я должен сказать, что в известном понимании этнос, конечно, представляет перенесение в прошлое тех воззрений на национальности, которые, собственно, не могли существовать в ту эпоху, но, с другой стороны, должен существовать и какой-то реальный этнос как определенная историческая формация. Если мы так поставим вопрос, то вопрос о делении науки встанет перед нами в следующем виде. Если мы историю развития общества (*л. 194*) будем изучать в горизонтальном разрезе, то у нас действительно может получиться этнология, потом нациология² и т.д. Тов. Аптекарь говорит, что не делить нельзя; он говорит, что делить можно вертикально: может существовать лингвистика — наука о языке всех формаций. Здесь есть известная принципиальная разница. Тут говорили, что тов. Аптекарь сам себя выставил, как некий парень с дубиной, который начал крушить. Мне думается, что в известные моменты это тоже нужно сделать. Я считаю, что такому парню с дубинкой, который ворвался в дом для того, чтобы люди, которые спокойно сидят, увидели, что дом рушится, чтобы они прервали свою повседневную работу и предприняли что-то, чтобы перестроить свое здание, — такому парню приходится сказать «спасибо». Конечно, это не значит, что мы от этого парня с дубиной не потребуем созидательной работы. «Если Вы пришли критиковать, то потрудитесь сами предложить конкретные

---

¹ Характерная для того времени фигура речи. «Стулология» — выдуманная дисциплина, которая будто бы изучает стулья. В адрес В. Г. Богораза в 1930 г. сыпались обвинения в занятиях «тряпкологией» (наукой о тряпках).

² Также выдуманная наука о нациях.

меры для того, чтобы действительно построить настоящее здание науки, назовем ли мы ее этнологией или историей — это все равно».

Кстати, об определении этнологии. Если бы удалось делить таким образом горизонтально, то я бы считал самым удобным определить этнологию следующим образом: это есть история доклассового общества. Что касается изучения пережитков на последующих стадиях, то я сомневаюсь, чтобы эти пережитки могли быть изучены отдельно от тех формаций, на которых они сохраняются. Мне кажется, что пережитки можно объяснять определенными условиями, которые создаются на этих последующих формациях.

В частности, касались здесь и яфетической теории. Тут я должен сказать, что вряд ли можно так рассматривать яфетическую теорию, как ее многие рассматривают, что это наука всех наук. Действительно, яфет[ид]ология вышла за пределы лингвистики, но это не значит, что лингвистика становится наукой всех наук.

(л. 195) Я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что, несмотря на те достижения этнографии в практическом строительстве государства, о которых здесь говорили, несмотря на это, существуют значительные недочеты в этой области. Если существуют люди, которые ездят, которых используют на местах, то есть такие, которых не используют, и таких больше; есть этнографы, которые должны найти себе другую специальность. Есть материалы, которые никому не нужны потом, а это тоже, мне кажется, не случайно; это характеризует известное хроническое положение этнографии. Этнография должна как-то переконструироваться, найти новые организационные формы, чтобы войти в систему государственного строительства. Если этого не будет, то мы в дальнейшем увидим еще большее ухудшение в положении с этнографией, чем сейчас.

Теперь мне хочется остановиться на докладе Петра Федоровича. В докладе есть одно несомненное достоинство — это то, что П[етр] Ф[едорович] прямо и определенно высказал мысль, что между этнологией и историей никакой разницы нет. Я считаю, то в этом отношении сам П[етр] Ф[едорович] проделал известную эволюцию, которую следует приветствовать, ибо он не всегда стоял на этой точке зрения. Кроме этого утверждения, единственного утверждения, которое представляет положительную сторону доклада, я в его докладе не нашел других положительных сторон, наоборот, здесь я имею несколько пунктов чрезвычайно, по-моему, скользких. В самом деле, докладчик предлагал нам критику таких терминов, которые употреблялись: «первобытный», «дикий», «малокультурный». Одновременно он говорил, что никакая оценка недопустима. В этом случае, конечно, согласиться нельзя. Казалось бы, что при таком подходе докладчик должен был выбросить всякие оценки, тем более оценки, которые не имеют под собой социологической почвы. Дальше мы слышали, что существуют народы,

сидящие в историческом тупике, например австралийцы, и существуют народы, которые дают боковые ветки. Вы все знаете, что в садовом искусстве, чтобы дерево давало хороший ствол, сучки надо подрезать. Чтобы (л. 196) дерево европейской истории хорошо развивалось, остальные народы росли в сук. В этой картине недостает одного: божественного садовника, который эти сучки отрезал бы, чтобы дерево лучше росло. С другой стороны, П[етр] Ф[едорович] говорил, что нужно сознательное применение марксистского метода. Мне думается, эти два построения никак нельзя друг с другом увязать в докладе П[етра] Ф[едоровича]; в этом есть коренное логическое противоречие. Мне кажется, что в первом он связан с идеализмом Гегеля, с идеей развития всемирного духа; во втором он пытался провести марксистскую линию; он пытался связать идеализм Гегеля с марксизмом; в конце концов, он сказал: «Идеологическое построение моего доклада никем не разрушено», ибо разрушать было нечего, ибо самый доклад представлен как некая руина, в которой барахтался докладчик.

В заключение я должен сказать два слова о пафосе и тупике. Здесь говорили, что этнографы работают сейчас с пафосом, а П[етр] Ф[едорович] утверждал, что народы малокультурные находятся в тупике. Здесь, мне кажется, немного перепутано; здесь дело обстоит как раз наоборот: в тупике мы сидим пока с нашей этнографией, которая не идет вровень с нашей жизнью, с нашим строительством, а те народы, которые у нас сейчас строят свою национальность, эти народы не сидят в тупике, наоборот, они осуществляют самое живое, самое творческое строительство, и у них имеется подлинный пафос жизни. Чем скорее наши этнографы сумеют к этому пафосу приобщиться, тем лучше для них.

(л. 197) **Бунак**

Я отметил, что в значительной части положения, высказанные тов. Аптекарем, не заслуживают, пожалуй, такой резкой полемики, какую мы здесь наблюдаем, и не расходятся с обычным представлением большого количества этнологов. Центральным вопросом если не всего совещания, то во всяком случае значительной части прений является определение того, что такое этнос. И если я верно понял мысль тов. Аптекаря, то это та мысль, к которой, я думаю, очень многие этнологи и, в частности, товарищи, которые работают в Географическом институте, могут вполне присоединиться. Ведь в сущности этнос в его определении есть историческая категория, возникшая из производственных отношений. Но в таком определении мысль, конечно, недостаточно конкретна. Нужно ее конкретизировать, а при этом неизбежно возникает масса модификаций этих производственных отношений, которые являются этапами той или иной стадии общего развития. И вот, главная задача заключается в индивидуализации того, что далеко не безразлично, как происходил процесс развития в Африке, на

Волге или на Ориноко. Этот метод, если его поставить в полной ясности, вызывает целый ряд проблем, которые должны быть как-то конкретно связаны, и если они конкретно будут связаны, то перед нами совершенно отчетливо и возникнет все здание этноса, которое, конечно, вполне определено и закономерно укладывается в особую отрасль исследования, достаточно дифференцирующуюся от социологии, которая, конечно, этнографической науке должна быть особенно близка.

Для того чтобы дифференцировать и индивидуализировать эти местные модификации производственных отношений, необходимо учитывать те факторы, которые их определяют. Этими факторами являются, с одной стороны, среда, с другой — раса, тип, которые хотя, в свою очередь, изменяются и модифицируются теми или иными производственными отношениями, о чем я скажу ниже, но на известной стадии являются факторами, которые так или иначе влияют на ту форму, на тот сложный комплекс элементов, в какую выливаются эти самые производственные отношения, и если это так, то ясно, что для того, чтобы изучать эти местные модификации производственных отношений, нужно, конечно, эти факторы четко учитывать и на основании их индивидуализировать (л. 198) эти модификации, и тогда мы получим, в конце концов, очень сложный и трудно разрешимый комплекс, который будет скрывать в себе и производственные ресурсы, и географическую обстановку, и в связи с этим технику, определяемую хозяйством, и многое другое, включая и те более сложные надстроенные построения, какими являются идеология, язык и т.д. Если это так, то едва ли можно этнологии дать так[ое] ее определение, как дал ей профессор Преображенский в своем докладе, когда он пытался свести этнос к хозяйственно-техническому ареалу. Разумеется, в практическом понимании этноса это означало бы такое сужение его, которое не дало бы возможности построить и научным образом учесть эти местные модификации. Из этого, мне кажется, следует, я не претендую здесь на то, чтобы дать такое совершенно четкое и ясное определение этого понятия этноса, я считаю, что это и невозможно сделать путем кабинетной работы или съездовской дискуссии, а лишь в результате больших исследований по определенному плану, поставив себе задачей известный анализ... Мне хочется только указать, что если мы с таким рабочим понятием этноса, с которым, вероятно, значительная часть этнологов согласится, то совершенно необходимо будет ясно отграничить его от той общей схематизирующей истории, которую тов. Аптекарь выдвигал как всеобъемлющую социологическую науку. Если это так, то необходимо сделать еще одно добавление. Поскольку здесь мы имеем совокупность разного рода моментов, то все эти моменты, которые служат для определения этноса, должны быть как-то тщательнейшим образом поставлены в связь с самой сущностью этого этноса, и из числа этих элементов для этнолога ближайшее значение

имеет этнография и, с другой стороны, антропология. И существенным пробелом тех докладов, которые были здесь заслушаны, является как раз недостаточно выделенная связь этих моментов.

Разумеется, из того, что я сказал, не следует, что этнология в какой-нибудь мере перестает быть наукой или должна работать методами не социологическими. Разумеется, в основе своей, в общем и целом она остается социологической наукой, но для того, чтобы изучить проблемы, которые специфически здесь выделяются в изучении этноса, (л. 199) она их никогда не разрешит, если будет работать оторванно от тех двух отраслей, а может быть, и от некоторых других, например, <нрзб.> и пр., которые только целиком, все вместе взятые, могут определить эту центральную проблему этноса как местных модификаций.

Надо отметить, что на те вопросы, которые были [мною] поставлены тов. Аптекарью, собственно, едва ли можно считать то, что он сказал, ответом. В частности, совершенно непонятно его сравнение с феодальными отношениями для объяснения понятия расы. Разумеется, здесь нельзя подробно остановиться на этом вопросе, но я все-таки должен отметить, что в современной антропологии нет такого понятия расы, которое, по-видимому, тов. Аптекарь имеет в виду. Вопрос о происхождении человеческого рода от одного или нескольких приматов ни в какой связи с данным вопросом не стоит и не всеми разделяется. И не играет никакой роли. А вместе с тем ясно, что поскольку дифференциация человеческих племен происходила в условиях общества, которое заменяет собой общественную среду, постольку этот фактор имеет огромное значение и является здесь связующим звеном.

Я приведу один из многочисленных примеров. Возьмем такое явление, как появление в некоторых местах длинных волос как местной племенной особенности. Мы знаем, что индивидуумы, у которых были такие длинные волосы, считались очень сильными и даже выбирались в начальники. Вот вам фактор социальный, который в то же время является фактором дифференциации определенной группы. Можно привести массу примеров, например, когда систематическому убийству подвергаются все альбиносы или люди с голубыми глазами и т.п.

Я хочу сказать, что если это понимание расы достаточно ясно выдвигается теперь и остается в рамках дарвинистического представления, то, конечно, ничего подобного тому, на что намекал тов. Аптекарь, не существует, и то представление, которое он дал, отвергая этнос, оно в значительной степени распадается.

[Винников?]

(л. 200) Наша этнографическая наука среди всех остальных общественных наук занимает своеобразное положение. Лингвисты, историки, социологи, экономисты и хозяйственники вторгаются в эту науку и расхищают ее

понятия. Проф. <пропуск> выступает с книгой по аналогичной теории происхождения религии, разрешает проблему происхождения религии; в научном обществе марксистов существует специальная секция по истории религии, и там подвергаются разрешению сложные основные проблемы этнологии. Все хозяйничают в этой науке и считаются специалистами. Лучшим доказательством этому могут служить наши доклады, доклады лиц, которые пришли извне этнологии, может быть, историков, но не этнологов, ибо у них не было этнологических докладов, но материалы которых совершенно увязали с этнологическим материалом. Я говорю по поводу доклада проф. Преображенского. В чем здесь дело? Причин здесь много, но прежде всего это отсутствие метода, отсутствие методологии. Наша этнографическая наука начинает переходить из стадии первичного собирания и накопления этнографического материала, что она частью и выполнила, если не на 100 %, то на 75 %, в стадию синтеза, обобщения научно-этнологических построений. И вот когда мы стали переходить в эту стадию, мы увидели, что мы для этого не подготовлены, что у нас не хватает существенного момента, у нас нет проверенного нужного метода. Наша наука зашла в тупик, и не только у нас, но и на Западе. Разрешите процитировать одно место в новейшей книге по этнологии одного западноевропейского ученого, который занимает выдающееся место в этнографической науке на Западе — патера Шмидта “Gesellschaft der Völker”¹ на 38-й странице, где вы увидите, что вместо того, чтобы объяснить, он заявляет, что ни о какой закономерности нельзя говорить в общественной жизни, когда эта закономерность ежеминутно нарушается талантами, выдающимися личностями, а главное Божьей волей, которая определяет нашу (л. 201) общественную жизнь. Это последнее слово западноевропейской науки, но это вместе с тем и тупик, когда уже заговорили о Боге. Наша наука тоже зашла в тупик, так как старые методы оказались совершенно непригодными для нашей этнологической науки. Причиной этого явления может быть так же и то, что наши этнологи слишком задаются империалистическими целями, империалистическими тенденциями: они хотят захватить абсолютно весь мир, не оставляя ничего другим наукам, они всюду хотят быть специалистами. Нет такой территории, о которой можно было бы говорить, что это этнографическая территория, а дальше начинается другая. Мы этнологи часто вторгаемся в другие области, в то время как представители других наук вторгаются в нашу. Мы должны определить точные границы нашей этнологической науки, поскольку об этом вообще можно говорить, так как общественные науки переплетаются. У нас в Университете существует отделение экономической географии, но мы не экономисты, не хозяйственники, мы этнографы. Часто получается параллелизм,

¹ Имеется в виду следующее издание: Schmidt W., Koppers W. Völker und Kulturen. I. Teil: Gesellschaft und Wirtschaft der Völker. Regensburg: Josef Habel, 1924. 794 s.

в одно и то же место на практику с хозяйственниками посылаются студенты экономгеографического отделения, которые приезжают и спрашивают: «Что же нам делать?» Необходимо по возможности произвести конкретное разграничение. Единственным понятием этнологии является понятие, предложенное нашим покойным проф. Львом Яковлевичем Штернбергом, хорошо известное всем. На известной стадии развития находящуюся культуру мы изучаем, а потому надо указать границу: какую стадию социально-экономической культуры мы изучаем. Нужно сказать, что мы изучаем первобытное общество, первобытное относительно, но границы этого примата¹ должны хотя бы приблизительно быть указаны. Мы не только это изучаем, но также, как говорил тов. Крейнович, первичные, примитивные институты в дальнейшей эволюции культуры. В Ленинграде у нас нет таких споров, московские же товарищи все время дебатировали такие вопросы, как где границы. Для нас это ясно, мы знаем, что делаем, а потому я хочу внести такое предложение: наше первое этнографическое совещание в нашей (л. 202) стране должно громко заявить, что этнография есть наука прежде всего самостоятельная и самодовлеющая (конечно, оговариваясь, поскольку можно вообще оговориться в самостоятельности той или другой науки). Ни одна наука не может обойтись без выводов этнографической науки, мы имеем колоссальные результаты нашей живой активной работы в социалистическом строительстве. Это является лучшим доказательством того, что наша наука существует как самостоятельная наука.

Я предлагаю расширить то понятие, которое высказывал в своем докладе тов. Толстов, когда говорил, что нужны консультанты во всех советских учреждениях, я бы сказал, что нам нужны этнографы-консультанты в учреждениях, где рассматриваются этнографические проблемы.

Тов. Аптекарь, вы оперировали здесь яфетической теорией, а задумались вы над теми этнологическими предпосылками, которые лежат в новой этнической теории? Я не буду касаться здесь этих предпосылок, но хотел бы знать, как тов. Аптекарь увязывает с марксизмом этническую² теорию, как увязывает с марксизмом коллективные идеи, как увязывает с марксизмом дологическое мышление. Вы об этом не говорили и не говорите. Наша наука окрепнет, если мы <нрзб.> разработаем определенный метод, и мы должны заявить, что метод исторического материализма, который оправдал себя в описательной и общественной науке, должен быть применен и в нашей этнологической науке. Но мы должны сказать, что нам нужна догма, чтобы кто-то принес готовую догму, в нашей этнологической среде должен встать вопрос о применении этой методологии к нашему материалу, ибо наша методология должна исходить из нашей среды и нам нужна готовая догма.

¹ Имеется в виду «предмета».

² Из контекста видно, что вместо «этнической» оратор имел в виду яфетическую теорию.

(л. 203) *Серебряков*¹

Мне кажется, для всех в настоящее время стало понятным, что каждый пришедший сюда на совещание не думал заниматься такими «шарлатанскими выступлениями», как это характеризовал некоторые выступления тов. Аптекарь. Мы пришли сюда, во всяком случае желая договориться, обсудить и разрешить практические вопросы увязки этнографии как науки с жизнью, с окружающей нас действительностью, с нашим социалистическим строительством. Но дело в том, что тов. Аптекарь совершенно не хочет даже признавать этнографию как науку; одновременно он вместе с нами признает, однако, наличие объектов у этнографии, но он говорит, что наличие объектов не создает науки. Совершенно верно: для этого, тов. Аптекарь, мне кажется, требуется еще кое-что, но во всяком случае не то, что сказал тов. Аптекарь. Всякая наука, в том числе и этнография, создавалась тогда, когда назрела необходимость в такой науке, когда назрела в обществе необходимость обследования того объекта, который в данный исторический момент времени интересовал общество. Вот тогда создавалась этнография. Между прочим, этого тов. Аптекарь не отметил; он, признавая за этнографией объект, отнюдь не признает за ней метода, то есть той большой работы, тех общих методологических подходов, которые никто не будет отрицать, кроме тов. Аптекаря, тех методов, которые накопились у этнографии в процессе ее развития как науки. Действительно, что мы можем назвать научным методом? В самом деле, мне кажется, что научным методом мы можем назвать лишь тот метод, который правильно отражает окружающую нас действительность, определяет те закономерности, те законы, по которым развивается изучаемый объект. Если мы посмотрим на этнологию, найдем ли мы там действительно такие исследования, которые бы не только объясняли, не только бы описывали, как говорит тов. Аптекарь, но такие исследования того или другого объекта, чтобы можно было говорить о его возникновении, о его изменении, о его исчезновении? Мне кажется, что здесь можно отправиться к тому же Моргану; здесь мы найдем, что (л. 204) культурные институты, присущие докапиталистическому обществу, вскрыты Морганом; эту работу до сего времени приводят многие исследователи, углубляя и детализируя этот моргановский метод как таковой. Мы видим, таким образом, что заслуги у эволюционной школы все-таки имеются, но чего не хватает? Многих смущает самое понятие эволюции; с точки зрения марксистской методологии оно не выдержано, с точки зрения наших наблюдений над окружающей природой и обществом оно тоже не выдержано, как бы оно ни отражало существующей вокруг нас объективной реальности. По-видимому, должен быть внесен какой-то корректив.

¹ Возможно, имеется в виду студент В. Серебряков, автор статьи: *Серебряков В.* К вопросу о праазиатских элементах культуры у хакасов // *Этнограф-исследователь.* 1928. № 2–3.

Этот корректив мыслится тов. Преображенским, по-видимому, как отход скорее от эволюционной школы и большей ориентировки на школу Гребнера, на школу культурно-историческую. Мне кажется, говорить о действительно научных достижениях и той, и другой школы можно, но нужно говорить именно в такой плоскости: насколько эти школы действительно отразили то общественное развитие, тот общественно-исторический процесс, который протекает собственно сейчас.

Быть может, современная этнология, подобно тому как Маркс изменил в «Капитале» Смита¹ и Рикардо², она должна будет сделать с Морганом и Тэйлором. Я не говорю точно так же, но, может быть, в такой плоскости должно идти исследование вопроса. В данный момент наша этнографическая наука может развиваться лишь при коллективном желании, при коллективной воле всех этнографов к созданию действительно новой марксистской этнографии.

(л. 205) *Арбузов*³

Мне, как и прочим москвичам, не впервые приходится иметь дело с тов. Аптекарем. И сегодня я с удовлетворением должен констатировать, что мы в борьбе с тов. Аптекарем оказались не одни. Этнографы и молодежь Ленинграда, кажется, разделяют нашу точку зрения. В чем же заключается наш протест против выступления тов. Аптекаря? Здесь говорить теперь просто, поскольку целый ряд товарищей говорили уже об отдельных деталях. Начну хотя бы с того, что укажу на характерный разнобой в лагере, объединенном вокруг тов. Аптекаря. Здесь мы слышали товарищей, выступавших как бы в защиту тов. Аптекаря, которые упорно навязывали тов. Аптекарю, что он, признавая этнос, не отрицает и этнологии. Я только что поставил лицом к лицу тов. Аптекаря и его защитников, и он заявил категорически: «Я категорически изгоняю этнологию, но допускаю этнос». Это нечто совершенно новое в истории развития мысли тов. Аптекаря. В прошлом году он отрицал этнологию⁴ именно потому, что считал этнос расплывчатым и, следовательно, ненаучным понятием. А раз в науке существует такое понятие, то надо исключить и всю науку. Это совершенно эмпирический подход кабинетного ученого, когда ценность и место науки

¹ *Смит Адам (Adam Smith)* (1723–1790) — шотландский экономист и философ. Основоположник современной экономической теории.

² *Рикардо Давид (David Ricardo)* (1772–1823) — английский экономист. Критик Адама Смита.

³ Видимо, имеется в виду *Арбузов Степан Семенович* (1898–1938) — этнограф, исследователь культуры мордвы. В 1928–1930 гг. учился в Институте народов советского Востока. С 1930 г. — декан мордовского отделения Саратовского государственного университета, с 1933 г. — ученый секретарь НИИ мордовской культуры в Саранске. В мае 1937 г. арестован по «делу СОФИН». В 1938 г. расстрелян.

⁴ Скорее всего, имеются в виду заседания в Коммунистической академии.

определяются с философской точки зрения. Этот подход неверен для разрешения вопроса, что собой представляет этнология и должна или не должна быть этнология. После этого лозунга, выдвинутого тов. Аптекарем, к нему примкнул целый ряд последователей, которые начинают детализировать эту мысль. В их числе тов. Токарев, который начинает путаться в вопросе о конкретных границах понятия этнологии во времени и в методе. Есть люди, которые не отрицают, что этнологию можно мыслить монолитно чистой наукой. Это утопия. Это немарксистский подход к какой бы то ни было науке. Нет монолитных наук, и искать их — это утопия. Но тов. Аптекарь, естественно, иначе не мог поступать. Ведь он совершенно не нюхал полевой работы, не знаком с ней ни с какой стороны. И я думаю, что здесь одной полемики в области диалектического материализма недостаточно для решения, какое место наука должна занимать в жизни и, в частности, в социалистическом строительстве. Вы знаете, какое место занимает этнология в нашем строительстве. Это одно уже говорит за то, что она имеет под собой какую-то (л. 206) почву. Мы знаем, что все рудиментарные органы в свое время отсекаются, беспощадно. Но мы видим, что этнология включает в себе много здоровых элементов. Со всевозможными уклонами мы бороться должны. Но нельзя приходить к тому, чтобы гнать в целом всю отрасль науки. Ведь прежде всего место, занимаемое наукой определяется жизненной необходимостью. Тов. Яковлев говорил, что этнология не вовлечена в орбиту строительства советской власти. Но теперь она вовлекается. Тогда об этом много говорили. Мы имеем примеры, когда этнология вовлекается в строительство советской власти и, больше того, когда вопросы этнологии ставятся на широкое обсуждение, чтобы установить понятия этой науки, выкристаллизовать их. Я думаю, что то, что говорил тов. Токарев, это не упрек, и, по существу, это нас не пугает.

Любопытные прения по поводу выступления тов. Аптекаря были в прошлом году в Комакадемии. Многие, в том числе и проф. Никольский, очень рьяно выступали против того, что выставлял тов. Аптекарь, и говорили, что, собственно говоря, мы знаем, что спор был о всеобъемлемости науки антропологии и т.д. Но впоследствии эти науки стали выделяться. Собственно в силу какой закономерности? В силу того, что опыт жизни стал все больше и больше накапливаться и стал требовать отдачи целой жизни, чтобы учиться читать эти материалы и делать выводы. И естественно происходит такая градация специальностей. Тов. Аптекарь говорил, что нельзя же мыслить существования таких энциклопедистов, как этнологи. Но скажите, тов. Аптекарь, когда вы хотите заменить этнологию социологией, то ведь социология еще более энциклопедична, чем этнология? Но мы ставим рамки уже. Этнология, несомненно, является частью социологии, которая определяется прежде всего жизненной практической необходимостью и затем определенным уже материалом. Всегда материал создает методику работы.

Большая часть товарищей собралась после доклада тов. Аптекаря, и я поставил ему вопрос: «Вы допускаете существование этноса, хотя в прошлом году вы отрицали это? Тем более странно, почему теперь вы не допускаете существования этнологии как логического следствия существования этноса. Как же вы мотивируете это?» Он ответил, что у (л. 207) него не хватило времени, иначе он бы объяснил. Мы спросили, признает ли он наряду с этносом некоторые явления быта. Отвечает, что некоторые явления признает. Некоторые остаточные переживания национальных градаций признает. Все материалы этнологии признает. Применение метода исторического материализма к использованию этого материала тоже признает. Тогда в чем же дело? Ведь наличие материала не определяет науку, говорит тов. Аптекар. Для этого нужна методология. Мы имеем методологию исторического материализма и рабочую методику. Не отрицает он, что мы имеем специфический материал. Следовательно, наука этнология налицо. Теперь методологическое построение. Практическая необходимость этой науки очевидна. Тут было сказано тов. Яковлевым, что ведь этнология как будто до сих пор спала. А потребность в ней большая. Национальности этого требуют. Я сам являюсь представителем национальных меньшинств и стараюсь принимать участие в этой работе. Но без изучения методов, без изучения материала нельзя изучать нацию. Нельзя изучать нацию, не зная своего народа, нельзя и управлять им. Но когда мы начинаем работать и сталкиваемся с вопросом, как же изучать народ, тут и нужно уточнить методы. Но здесь была допущена неправильная постановка вопроса. Один товарищ высказал мысль, что ведь, собственно говоря, не все явления жизни мы можем подвести под законы исторического материализма. Это совершенная нелепость. Конечно, отдельный изолированный факт, как, например, стул, мы не можем подвести под закон материалистического развития. Но такие явления, как религиозные воззрения и т.п., можем.

Отныне, может быть, меньше будет споров, быть или не быть этнологии. Я стою на той точке зрения, что этнология есть наука со своим материалом, своей рабочей методикой и своими методами, присущими социологии, это значит, социологическими методами, методами исторического материализма. Но, конечно, эта наука является частью истории.

(л. 208) Лядов

Я очень сожалею, что не присутствовал на всех выступлениях. Меня поразил доклад тов. Аптекаря; когда он попросил слова, я все ждал, когда начнется доклад; мне казалось, что это еще предисловие; в конце концов вся полтора часовая речь свелась к тому, что наука должна быть, но она не должна называться этнологией. Мы о словах спорить не будем; никогда не спорили и спорить не будем, но наука должна быть, она будет, она должна существовать. Все вопросы, которые стоят перед этнографами, стоят?

Стоят и они должны быть разрешены научным путем, должны быть разрешены путем исторического материализма.

Возражения тов. Аптекаря сводились в конце концов к тому, что эта наука, которую он признает, которая должна этими вопросами заниматься, не должна называться этнологией. Вас назвал тов. Маторин талмудистом. Да, это чисто талмудический схоластический подход, напоминающий средневековых ученых, которые хотели свою узкую сферу отграничить от жизни. Это напоминает историю о поваре в Париже, который специально жарил гусей; этот повар не допускал мысли, чтобы повар, который жарит уток, носил одинаковый с ним мундир. Вы должны понимать, что не может быть грани между отдельными науками; они настолько тесно переплетены, настолько связаны, что разграничить их нельзя.

Комиссия, которая подготовляла это совещание, должна была дать определение этнографии. Нас было 5–6 человек; каждый давал свое определение, и ни на каком мы остановиться не могли — и понятно, потому что оно гораздо шире. Не в этом суть. А истории Вы дадите определение? Не дадите. Вы не можете ее отграничить от исторического материализма, потому что история является частью диалектического материализма, потому что, если Вы выхолостите диалектический материализм от истории и этнографии, останется пустое место, не будет того, что является действительной сущностью материализма. В отличие от буржуазной науки, наша марксистская наука ставит себе задачей не только познание мира, но и преобразование (л. 209) мира. Вы это, тов. Аптекарь, забываете.

Я ставлю себя в положение большинства; здесь собралось больше 200 человек, все они жизнью подведены к разрешению целого ряда важнейших для них вопросов, которые в их работе встретились. Вы пришли и в течение полутора часов говорили. Какой вывод из Вашей речи должны были товарищи сделать? Они должны были сложить ручки в брючки и ждать, пока тов. Аптекарь с другими схоластами разрешит вопрос, как назвать эту науку. Это призыв к бездействию. Это отрицание марксизма. (*Аплодисменты.*) Каждое выступление марксиста должно призывать к действию. А Вы к чему призываете, пока Вы в Комакадемии разрешаете этот спор? Если Вы пытались намекать, что тов. Маторин не марксист, Вы доказали, что Вы не марксист, потому что марксист должен прежде всего увязать свою теорию с практическими задачами, а Вы этого не сумели, никакого практического вывода Вы не предложили; Вы ограничились только критикой, поэтому, тов. Аптекарь, никого удовлетворить Ваш доклад не мог. Можно было соглашаться с отдельными положениями, но отчего Вы выступили с докладом — это непонятно. Не будь тов. Аптекаря, надо было его придумать¹. (*Аплодисменты.*)

---

¹ Слова Вольтера: *Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer* («Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать»).

Я не слышал выступлений всех остальных товарищей, но те несколько выступлений, которые мне пришлось слышать, ясно показали, что у товарищей принципиальный марксистский подход. С отдельными положениями можно спорить, но постановка вопроса у товарищей правильная, очень правильная, именно они призывали к организации действия.

Мы не будем спорить, существует этнос или нет. Мы не знаем мертвых абсолютных категорий. Мы не можем дать определение нации; тут получится такое же разногласие, как по определению этноса, потому что у нас нет раз [и] навсегда зафиксированных понятий. Мы имеем все в динамике; это меняющиеся категории. Абсолютного представления об этносе нет и быть не может. Пока этнография искусственно проводила рамки между отдельными категориями, она наукой считаться не могла. Еще раз повторяю, все движется, все меняется, и именно в динамике мы будем познавать, а не в статике. В динамике можно строить науку? Можно; а как назвать ее, [наплевать?] (л. 210) наука есть такая, которая ставит задачи создавать не мертвые формулы, не мертвые величины, от которых мы открециваемся, а познавать все в движении, в каком мы должны влиять. В этом отношении доклады тов. Маторина и Толстова имеют большое значение; в них указываются реальные пути применения всех данных этой науки к жизни, к действительности, как активно воздействовать на жизнь, — в этом марксистская тактика: не в мертвых определениях, не в схоластических спорах, а в том, чтобы организовать, найти правильное применение.

Товарищ цитировал из Ленина. Я помню, когда это писал Ленин; мы вместе с ним эту эпоху пережили. Тов. Аптекарь ввел в заблуждение: то, что писал Ленин, не имело никакого отношения к этнографии. С кем спорил Ленин? С активной¹ школой социологии — другой школы ведь не было. Он спорил с Михайловским — против него он и писал, он упоминал Струве, он привел положение Струве о классовой борьбе, он растолковывал Струве, что связь между классовой борьбой и социологическими проблемами, между базисом и надстройкой, которую Струве не понимал, он должен понять. Струве, который закончил призывом идти на вычку к капитализму, увязать базис с надстройкой, диалектически как-то увязать не умел. Вот против чего писал Ленин². Современной этнографии не существовало — она только начинала появляться.

Как относился к истории культуры Ленин? Я помню, мы вместе принимали участие в переводе Липперта³. Владимир Ильич придавал этому

¹ Так в тексте. Оратор, очевидно, имел в виду субъективную школу в социологии.

² Речь идет о дискуссии между Николаем Константиновичем Михайловским (1842–1904), теоретиком либерального народничества, Петром Бернгардовичем Струве (1870–1944), теоретиком «легального марксизма», и Лениным.

³ *Липперт Юлиус* (1839–1909) — австрийский историк и этнограф, представитель эволюционного направления. Какую книгу переводил Лядов, осталось неясным.

большое значение, и на основе изучения развития материальной культуры он делал выводы; он связывал историю культуры с диалектикой развития.

Теперь еще один вопрос. Тов. Аптекарь сказал, что он является правоверным диалектиком, а что все являются механистами. Я никогда механистом не был. Вы сами, тов. Аптекарь, не уяснили себе хорошо разницу между механистами и диалектиками, если бы Вы были диалектиком, Вы не выступали бы с такими выводами. Именно диалектика жива — к жизни, к действию она призывает. А этого Вы не сумели. У Вас тот подход, который вреднейшим образом действует именно на марксистское воспитание, который создает возможность появления таких (л. 211) марксообразных, о которых Маркс говорил, что «я никогда марксистом не был».

Тов. Аптекарь выдает себя за стопроцентного марксиста. Ведь весь 2-й Интернационал идет под знаком марксизма; ведь и Каутский — душеприказчик Энгельса — был марксистом, но гарантировало ли это от того, что он попал в лагерь меньшевизма? Не гарантировало, как не гарантировало и Плеханова от того, что он не мог понять действующей жизни. В том основное отличие нашего ленинского подхода к марксизму от меньшевистского, что мы умеем увязать каждый вопрос марксистской теории с действительной жизнью.

Можно клясться, что ты стопроцентный марксист, но если ты не умеешь увязать марксизм с практическими задачами жизни, то ты неизбежно будешь оппортунистом, хотя бы ты наизусть знал Маркса.

(л. 212) *Кошкин*

Одно, мне думается, безусловно, произошло в наших прениях — это что развязались языки. По первому докладу — тов. Преображенского — почти совершенно не высказались. А после бомбы, которая разорвалась во время доклада тов. Аптекаря, все начали говорить.

Я хочу остановиться на той цитате, которую привел тов. Аптекарь в доказательство того, что этнология — это просто часть истории. Он взял цитату из немецкой идеологии, где говорится, что мы знаем только одну науку — это историю, естественную историю и историю людей. Так в чем же дело, товарищи? Если бы Маркс и Энгельс были бы Аптекарями, им пришлось бы выкинуть лозунг «Долой науку, существует только история». Этого никто не сделает, потому что в науке нужна специализация, хотя наука сама есть едина, есть история, но ни один человек, ни одна специальность ее охватить не могут, и поэтому эта единая наука — история — дифференцируется на отдельные специальности. Следовательно, в этом отношении было по меньшей мере неудачным появление этого тезиса.

Второй момент, почему этнологию нельзя признать наукой, это примерно такое утверждение тов. Аптекаря: что в классификации наук нет такой науки. Как известно, главнейшая квалификация принадлежит Конту,

не являющемуся марксистом. Следовательно, если у Конта или у его последователей-немарксистов этого не было, значит, и науки этой не было. Такой метафизический подход недопустим. У нас есть химия, физика, сейчас создается физико-биологическая химия. Как вы ее вгоните в контовскую классификацию наук? В этом непонимание диалектики. Мы производим классификацию наук для облегчения работы, а в действительности наука едина. Дифференцируем мы для того, чтобы лучше работать по отдельным областям, и нельзя выдвигать то, что было при Конте.

В каком отношении должна находиться этнология к истории и социологии? Я считаю, что так же, как история пользуется социологическим методом, методом исторического материализма, в такой же степени и этнология может пользоваться этим методом для того, чтобы быть наукой. Это их сближает. И поэтому мы должны совершенно определенно сказать, что этнография или этнология — это есть одна из социальных (л. 213) наук, именно та, которая пользуется социологическим методом в его научном виде, то есть марксистским методом. Только при применении этого метода могут быть полезные для исследования выводы.

Далее, тов. Никольский несколько останавливался на таком вопросе. Тов. Аптекарь предлагал изучать то, что сейчас изучает этнология историкам, а историкам — изучать историю человеческого общества по формациям. Опять глубоко метафизический подход. Совершенно ясно тов. Никольский говорил, что изучать конкретное человеческое общество по формациям — вещь невозможная. Нельзя сказать, я буду сейчас изучать родовое общество, например. Где вы найдете такую формацию? Ее нет. Даже в Сибири, где сохранился родовой строй, он перемешан с элементами торгового капитала, феодализма и пр. Такое упрощение марксизма трудно представить себе, если бы мы ни слышали это здесь самолично от тов. Аптекаря.

Мне кажется, что основное, что нужно было тов. Аптекарю сделать в своем докладе, раз уж он обладает такой глубиной и, самое главное, обладает мандатом на марксизм, на стопроцентный даже марксизм, это надо было крушить именно немарксистскую школу этнологии. Если бы на это направил свою дубину, это было бы именно то, что нужно. Мы же знаем, что целый ряд школ в этнологии глубоко ненаучны. Существует, например, целый ряд школ психологических. Существует биологизация этнологии и целый ряд других искривлений в этой области, которые не дают возможности проявить действительно научное лицо этой науки. Я на некоторых из них остановлюсь. Например, пережитки народничества. Это факт, и против этого надо бороться. Оно проявляется в субъективном подходе к изучению исторических явлений, а также в том, что не различаются классы в этносе. Вот в этом отношении, конечно, нужно было дать бой и нужно было доказать, что остатки мелкобуржуазной народнической идеологии

в этнологии и этнографии надо окончательно искоренить, чтобы развязать руки этнологии и дать ей возможность идти вперед.

В работе профессора Хаггара, вышедшей в 1923 г., мы видим такое определение этнологии: «Этнология есть наука — морфология темпа развития человеческого сообщества, рефлекторный процесс мышления»¹. Вот против таких определений надо бороться. Это надо сметать. (л. 214) Или возьмем такое высказывание, что этнология есть некое среднее между естественными и общественными науками. Никак нельзя этого признать. Это не соответствует действительности, потому что этнология — социальная наука и употребляет биологические методы как данные, а не изучает их. Для этого есть другие дисциплины. Поэтому смешивание этнологии с другими науками — вещь невозможная, и это будет замедлять правильный путь нашей науки.

Далее, некоторые товарищи говорят, вот есть яфетическая теория, почему вы не берете этой теории? Мы берем, например, у марксизма понятие экономической формации. Что же касается яфетической теории, то я не ставлю вопроса метафизически. Это наиболее близкая к марксизму теория в лингвистике, но когда она хочет объяснить все что угодно, она подменяет марксизм, и на это мы не согласны. Поэтому нам надо применять марксистский метод, а из яфетической теории брать материал для сопоставления целого ряда моментов, которые, может быть, без этой теории нельзя выяснить. Поэтому мы должны брать яфетическую теорию не как метод, а только пользоваться ее материалами.

Далее тов. Аптекарь установил 4 стадии развития хозяйственного коллектива-этноса: доэтническая стадия, этническая, национальная и вне-национальная. Скажите, пожалуйста, у нас в СССР есть сейчас нация или нет? Вы подумали, о чем вы говорите, или нет? Нация есть явление капиталистического общества. В нашем социалистическом государстве мы ни русской, ни других наций не назовем, потому что у нас государство ставится на изживании национальностей. Следовательно, надо все-таки в этом отношении разбираться, когда определять те или другие стадии развития человеческого общества. Это не свидетельствует о том, что нации нет вообще или что у нас в СССР нет национального вопроса. Он есть. И именно потому, что есть национальный вопрос, и нужна этнография. Если бы у нас национального вопроса не было, не нужна была бы этнография. Она должна изучать те этнические особенности, которыми обладают хозяйственные коллективы, для того чтобы легче привести к единому знаменателю, к изживанию этих отдельных этнических единиц и, с другой стороны, для того чтобы ускорить рост социалистических элементов. Вот в этом весь смысл этнографии, (л. 215) именно в том, что в нашей стране, где

¹ К сожалению, определить, кто такой профессор Хаггар, мы не смогли.

большое количество народов и национальностей, мы обязаны изучать эти этнические особенности для того, чтобы помочь нашему советскому строительству.

(л. 216) **Никольский**

Уж очень большой калейдоскоп взглядов и мнений кружит наши головы и мою в первую очередь. Поэтому я извиняюсь, если буду недостаточно отчетлив в формулировке своих взглядов. Равным образом не является возможным остановиться определенно на выступлениях 14 говоривших здесь товарищей; придется говорить, не приурочивая к конкретным лицам отдельные свои замечания. Мне представляется, что такой пестроты в оценке доклада тов. Аптекаря мы избежали бы, если бы первая часть докладов была построена более полно и более отчетливо. Мне представляется, что в докладах об этнологии следовало более или менее четко поставить вопрос о термине; важно, что существует конкретное понятие, а конкретного понятия как раз нам здесь не дали. Тов. Маторин напрасно думает, что без этого понятия можно обойтись. Здесь не было проведено ни малейшего отмежевания от соседних наук. Одни говорили, что этнология есть история; если нет отличия, то будем говорить об истории первобытного общества или об истории первобытной культуры, но я не понимаю, почему нам должна быть дана этнология, раз она то же самое, что история; тогда перейдем к истории (я лично не согласен).

Здесь говорили, что целая комиссия прорабатывала доклады; она внесла много путаницы. Сейчас возник вопрос и о фольклористах; у них подобное же явление: акад. Ольденбург¹ заявил, что термин для нашей науки не совсем подходящий, что его необходимо было бы заменить; а сам докладчик сказал, что возможно и другой термин взять. Дело не в термине, а в работе. Весь ли вопрос в словах? Мне представляется, что не только в словах. Я с тов. Аптекарем спорил в [19]28 г., что тов. Аптекарь исходит из практики; он построил свой доклад на том материале, который ему дала комиссия. Если бы мы попробовали какой-нибудь реальный вывод сделать, то, мне представляется, вывод надо сделать такой. Тов. Аптекарь признает существование этноса. Тут некоторые видели успех в том, что тов. Аптекарь переделал свои тезисы, с которыми он выступал в Комакадемии в [19]28 г.

¹ *Ольденбург Сергей Федорович* (1863–1934) — российский и советский востоковед. В 1897–1934 гг. — профессор Петербургского/Петроградского университета (ЛГУ). В 1904–1929 гг. — непреременный секретарь АН. В 1916–1930 гг. — директор Азиатского музея, в 1930–1934 гг. — директор Института востоковедения АН СССР, в 1913–1929 гг. — основатель и руководитель отдела древностей Китайского и Русского Туркестана МАЭ, в 1917–1929 гг. — председатель КИПС, в 1919–1934 гг. — член ГАИМК, в 1926–1930 гг. — ответственный редактор журнала «Этнография», в 1922–1927 гг. — председатель ЦБК.

Оказывается, у него действительно «этнос» был, но за горячей дискуссией мы как-то не заметили. В 10-м тезисе: «Этнос — народность, с марксистской точки зрения историческая категория, порожденная производственными (л. 217) отношениями...» Следовательно, у него этот «этнос» был, он его, стало быть, не отрицает. Но тов. Аптекарь оторван от практической работы: он человек посторонний, он сам сравнивает себя с человеком с дубинкой, он сравнивает себя с хирургом, который вскрывает опухоль, — вырезал опухоль и ушел. Никто из этнологов этого не сделал, поэтому приходится благодарить такого плохого коновала, как тов. Аптекарь, что он вскрыл опухоль; а теперь Вы сами управляйтесь. Кто ученый, кто этнолог? Мы или он? Мы. Мы не должны остановиться на этом, что у нас опухоль, что у нас нарыв, — мы должны работать, тем более что «этнос», нации ждут этой работы.

Как приступить к работе? Мне представляется, что, хотя организационная комиссия одобрила намеченные доклады, мы не встречаем в них практического подхода к работе, даже методологического. Что нам предлагали? Один докладчик предлагал какой-то ареал технически хозяйственный, другой докладчик говорил о социально-экономическом ареале. Еще скажут, что нам надо поучиться у патера Вильгельма Шмидта. Нужно сказать, что незадолго до съезда нам уже пришлось испытать жесткую дискуссию по докладу одного заграничного этнолога, марксиста (да еще левого) в Комакадемии, где разбирался взгляд Моргана, Энгельса на происхождение и развитие брака и семьи, — это Отто Мехен¹; он предлагал применить схему развития брака и семьи, которую дает В. Копперс. Но здесь нам ничего не предлагали, за исключением того, что мы находим у Гребнера, которого нам перелицевали. Даже мы видим дальнейшую проработку буржуазной науки; а в результате приходит «дикий» человек — тов. Аптекарь.

Я говорил, что социально-экономические формации можно просто изучить. Соц[иально]-экономическая формация не дана где-нибудь. Всюду мы имеем конкретные проявления соц[иально]-экон[омической] формации и должны упереться в конкретное общество. Нельзя изучать феодализм по документам вообще; вы должны взять документы определенной эпохи, и чем уже будет эпоха, тем лучше. Так же Вы должны изучать родовое общество. Возьмите общество по Кайери в Юж[ной] Америке. Это Вам даст совокупность общественных отношений. Для того чтобы выделить то, что научно для формации родового общества, Вы возьмете еще пауз-сов на Н[овой] Гвинее. Вы увидите социально-экономическую формацию в разных степенях: она возникает, развивается, в ней возникают противо-

---

¹ *Отто Мехен-Хельфен* — немецкий этнолог и путешественник. Совершил путешествие по Туве. Написал книгу «Путешествие в Азиатскую Туву».

речия, в ней возникают элементы новой, (л. 218) высшей формации, — Вы все отметили. При диалектическом материализме нет схемы — все высшая конкретность; никакой абстракции не должно быть. А когда изучите, Вы должны описать. Вы создаете общую категорию, социально-экономическую формацию родовую. Вот наш путь; так мы должны идти. В области изучения социально-экономических формаций капиталистических наша наука играет роль вспомогательную; как имеется нумизматика, палеография, так есть и такая область, в которую историки не заглядывают и в которой этнологи могут работать, — пусть это называется праистория (я давно предлагал этот термин). В этой культуре высшего типа, изучаемой историческими науками, мне кажется, мы можем изучать только ее пережитки, как правильно было замечено. Если мы так пойдем, тогда еще яснее будет наш путь, а чем больше будет планомерности, тем больше будет успеха в нашей работе.

(л. 219) *Аптекарь*

Выступление 17 человек по поводу моего доклада, мне кажется, является противоречием тому, если расценивают мои слова как пустяк, как ерунду, и странно то, что эти 17 человек потратили сегодня реально 5 часов времени на борьбу с чепухой, может быть, по этнографии существует такое правило, но везде обычно этого не бывает. Вместо того чтобы, так сказать, выдрать за уши и перейти к деловой работе, здесь выступают такие квалифицированные товарищи, как Лядов. Я не в претензии против некоторых острых выражений по моему адресу выступавших здесь товарищей, я считаю, что этим самым и мне дано формальное право, но полагаю, мне не придется пользоваться этим так, как считаю свою позицию достаточно крепкой.

Действительно, товарищи, надо констатировать совершенно позорное явление. Тут дело сводится не просто к тому, что мы будем спорить и вы зашибете меня резолюциями, я должен заявить (вы, конечно, можете считать или нет), что факт остается фактом, а мы имели такой факт, когда совершенно молодой человек в марксизме, тов. Никольский, должен был старого большевика уличать в факте незнания элементарной вещи — незнания того, что в марксизме имеется метод колоссального значения — учение о конкретном понятии. Для тов. Лядова до сего времени весь марксизм и вся диалектика продолжает сводиться к тому, что все течет и все изменяется. Это такие азы, которые давно всем известны. Если я обнаружил это у тов. Лядова, то не знаю, что же можно требовать от других. Например, тов. Кошкин в одной фразе «влепил» целый ряд таких вещей, как, например: «У нас социалистическое государство». А возможно ли социалистическое государство? Для нас социализм — отсутствие государства. Дальше относительно того, что у нас наций нет, значит, раз мы ведем

политику к тому, чтобы изживать буржуазию, значит, и буржуазии нет. Я не знаю, партиец вы или нет, но это уже называется правым уклоном, когда не видят кулака. В одной фразе вы ухитрились сказать такие вещи и все под знаком марксизма. Это не совсем хороший метод проявления своих чувств. (л. 220) <...> у меня есть несколько листов записей; почти у каждого товарища можно найти такие возмутительные вещи. Покажите конкретно, где я выражался против марксизма; где у меня были выражения, из которых видно, что я не знаю основ марксизма? Тов. Лядов говорил, что у марксиста дело идет не о теории, а о действии. Для марксиста всякое действие определяется теорией; странно такой вещи не знать. А здесь считают: кривая вывезет, факты сами научат. Зачем ломать голову там, где уже имеется <пропуск>.

После моего последнего выступления, когда я говорил, что здесь много марксистов и нет диалектиков, сегодня чрезвычайно много диалектиков появилось. Я не знаю, что делать, чтобы от них отмежеваться; если они диалектики, то я не диалектик. Но ваша диалектика несколько не похожа на то, что понимал под этим Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин.

Какие здесь аргументы приводились? Зачетная книжка — не аргумент. Здесь тов. Маторин ссылаясь, что он заместитель заведующего Агитпропом¹; я мог бы тоже сказать, что я был политическим инспектором Реввоенсовета², но это не аргумент, это не метод доказательства. Реальное положение такое: этот дом, который я громил, в порядке, и тут же говорят, что мы зашли в тупик, что у нас нет границ, что мы не можем отмежеваться от других областей, что у нас нет метода, — и это называется «дом в порядке». Что же у Вас есть? Что имеется в качестве базиса для марксистской этнологии? Нашлись такие марксисты, для которых кардинал Шмидт является если не марксистом, то на него можно штукатурку навести.

Если Вы отбросите самую теорию, то у Вас будет груда эмпирического материала, в котором Вы тонете сами, в котором Вы не можете разобраться.

Тов. Лядов сказал, что если бы не было Аптекаря, то надо было бы его выдумать, — это ведь не аргумент. А если бы Маркс был Аптекарем... Я считаю, что в данной аудитории лучше всего оперировать тем материалом, который был дан здесь на конференции. Если бы я привел одну книжку, то

---

¹ *Агитпроп* — обиходное название Отдела агитации и пропаганды при ЦК КПСС (ранее — ЦК ВКП(б) и местных комитетах КПСС в СССР в разное время.

² *Реввоенсовет* — Революционный военный совет республики. Высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1918–1934 гг.

Вы сказали бы, что есть другая книга. (л. 221) Мой доклад, который я читал в прошлом году, вызвал достаточно большое оживление, развязал языки, как здесь говорили. Он не напечатан не потому, что я не имел возможности этого сделать. Я могу это сделать. Я знаю, что если я напечатаю это в том виде, то или я должен буду дать целый том со всем, что сказано каждым этнологом, или мне скажут, что вы тут ни при чем. Поэтому я ожидаю выхода первого марксистского труда по этнологии, который подготовлен Преображенским. Ежели к тому времени буду жив, то как раз мой доклад и будет перекроен в рецензию на это сочинение. И тогда к каждому моему положению будет идти ссылка на соответствующую страницу и строчку, и тогда можно будет судить, имеет это место в действительности или нет. Если я взял эту область для анализа, то, может быть, действительно по праву. Этнологи не имеют права влезать в философию, не зная ее. Докажите, чего я не знаю у вас. Какие факты мною не были учтены? Вы говорите, что мы делаем эту вещь. Не всякое делание является полезным. И поэтому эта самая деятельность нуждается в большой критике. И мы совсем не стоим на той точке зрения, что, пожалуйста, дайте всеобъемлющую работу. Вы многие вещи только разрушаете. И я думаю, что тов. Лядов (беру его собственный курс «Истории партии»¹), если взять период борьбы большевиков с Керенским² и Временным правительством, пусть тов. Лядов укажет те положительные рецепты, которые большевики давали Керенскому. Пусть он укажет. Он их не укажет. Потому что линия была — только громить этого Керенского. И Думскую трибуну большевики брали для того, чтобы не помогать строить государство, а чтобы критиковать эту работу и доказывать ее невозможность. И вся работа была на том построена, и это была Ленинская линия.

(л. 222) Если мы, марксисты, сталкиваемся с таким затруднениями (они были вами констатированы, даже теми, кто давал такую райскую оценку, как, например, те товарищи, которые говорили, что у нас в Ленинграде все хорошо), и если я подхожу к этому явлению, то просто потому, что не могу встать на такую позицию, что это ошибка отдельных лиц, тогда пришлось бы встать на позицию того автора, о котором говорил тов. Лядов, а именно Вольтер³ в его оценке Средневековья. Я не могу вставать на такую позицию и считать, что этнология — полет человеческого заблуждения. Если есть такие люди, которые повторяют азы марксизма, то

¹ Имеется в виду: *Лядов М. Н.* История Российской социал-демократической рабочей партии. СПб., 1906. Ч. 1–2.

² *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) — российский политический деятель, министр, а затем министр-председатель Временного правительства (1917).

³ *Вольтер (Voltaire)*, настоящее имя: Франсуа Мари Аруэ — *Arouet* (1694–1778) — французский философ, писатель, публицист, один из ярких представителей французского Просвещения XVIII в.

я могу все же сказать, что я знаю тов. Ленина. И если происходят все эти явления, то они мне напоминают одну аналогичную вещь, а именно — пошехонское кормление коров. Пошехонцы тащили коров на крыши изб, где росла трава, и они должны были есть эту траву. Точно так же и занятие наших этнологов равняется тому. Здесь сначала берут социологию, а потом исходят из истории. Вы не будете отрицать того, что это было здесь сказано. Так что вы имеете здесь совершенно возмутительные вещи против марксизма. Ведь каждый марксист мог поставить вопрос о том, что если наука общественная, то в каком отношении она находится к другим наукам. И так всегда бывает у человека, который пытается последовательно мыслить, а здесь этого вопроса совершенно не было. Когда я поставил этот вопрос, то тов. Кошкин дал великолепное разрешение, что отношение между социологией [и] этнологией такое, как между этнологией и историей. Дать такое объяснение — значит ничего не дать. Вы имеете здесь голое отношение между 4-мя неизвестными. Четыре неизвестные величины одного уравнения у нас равны четырем неизвестным. Я не знаю математики, но думаю, что такая задача неразрешима. Для вас, тов. Кошкин, все величины — социология, этнология и история — являются неизвестными, а вы берете какое-то отношение.

(л. 223) Я в свое время констатировал, что это исходило от марксистов. Создалось впечатление спора славян между собой. Вполне правильно, тем более что и славяне бывают разные.

Тов. Маторин привел пример и сказал: «... живут в условиях абсолютного натурального хозяйства, не признают фабричных изделий, кроме...» Вы говорите «абсолютный» и рядом с этим делаете исключение. Вы не знаете, что такое слово «абсолютный».

Некоторые здесь становились на такую позицию, которая является всегда выгодной по существу; можно сказать: «О чем мы спорили, ведь спорили о словах». Ведь в конце концов можно перекинуть мостик от одного к другому, и настоящая Венеция получилась, но венецианские творцы упирались в твердую почву, а здесь плавучая; это находится в области социалистической утопии. Такая Венеция у нас здесь получается. Надо различать спор о словах и спор о словах. Если дело сводится к тому, что начинается игра словами, то это бесполезная вещь; тогда надо считать, что бесполезны и те доклады, которые были до моего доклада; зачем докладывать, что история есть этнология? Но бывают такие споры, которые весьма полезны. Когда речь идет о понятиях, то понятие для марксиста не сводится к игре словами. Когда Вы хотите быть учеными, то не берите слова из воздуха, не базируйтесь на интуиции, а берите понятие научное.

Если вчера был талмудизм, а сегодня схоластика, то, если бы было время, всплыл и третий термин — софистика. Я могу отослать к № 10–11 «Под знаменем марксизма» за [19]25 г. — А. М. Деборин «Очерки по тео-

рии материалистической диалектики»¹. И не случайно, что все эти термины здесь выплывают в нормальной логической последовательности. Я был бы талмудистом, если бы речь шла о перелицовке, о приспособлении старого здания; чтобы сделать из истории этнологию и наоборот. Речь идет о принципе построения. Когда товарищи идут хлебать кисель в погреб, а потом лезут за молоком, то нужно сказать, что это ненормально.

(л. 224) Так как время мое истекает, я сейчас не имею возможности ответить на все конкретные моменты, указанные оппонентами. Утверждаю все так и что по всем этим пунктам я могу дать ответ в любом месте и в любое время. Я позволю себе за неимением времени зачитать тезисы того доклада, который я делал к 15 апреля прошлого года². Возможно, что я и кое-чему научился за этот год и некоторые положения, не изменяя по существу, изменил по форме. Эти мои тезисы дадут понятие о моих взглядах. Повторяю, что эти тезисы прошлогодние.

«1) Являясь одной из самых молодых наук по времени возникновения, этнология до настоящего времени не может точно определить свой характер, предмет исследования и задачи, а также отмежеваться от других дисциплин. Причина этого лежит не столько в недостаточности усилий со стороны ее адептов, сколько в крайне сбивчивых их методических установках».

«2) Отграничиваясь от попыток некоторых ученых рассматривать этнологию то как часть антропологии, то как чистое описание быта и культуры разных народов, собственно этнологи определяют ее как науку о культуре человечества и о законах ее развития, претендуя на вытеснение не только социологии, но и истории человечества вообще».

«3) В основе всех теорий этнологии, нередко противоречивых и взаимно исключаящих друг друга, лежат два кардинальных понятия: “культура” и “этнос”, которые рассматриваются, как некие от- и надприродные существа». У некоторых вы можете здесь уловить моменты и отприродности, и надприродности, «... что является прямым результатом игнорирования их историчности и метафизического ипостазирования или биологизирования и т.п.».

«4) Развитие общества понимается как развитие культуры, результат общественного труда превращается в первопричину общества. Культура наделяется таинственными имманентными силами развития».

¹ Непонятно, что имеется в виду: *Деборин А. М.* Очерки теории материалистической диалектики. Очерк первый. Предмет философии и диалектики // Под знаменем марксизма. 1926. № 11; или: *Деборин А. М.* Энгельс и диалектическое понимание природы // Под знаменем марксизма. 1925. № 10–11.

² Видимо, Аптекарь имеет в виду собственный доклад «Марксизм и этнология», прочитанный им на заседании Коммунистической академии 7 мая 1928 г. [АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 233].

«Когда мы говорим о жизненных законах развития, то это и есть имманентный закон». «...И которые делают ее независимой по отношению к людям».

(л. 225) Я очень настаивал, чтобы мне дали слово после профессора Кошкина, у которого культура была независима от природы. Эту точку зрения мы находим в книге В. Г. Тана-Богораза. Потому я и хотел, чтобы мой доклад был поставлен после его.

«Во многих этнологических направлениях общество вообще игнорируется — влияние природы на различные культурные явления происходит непосредственно». (л. 226) Тов. Винников и против этого метал гром и молнии, хотя и не по моему адресу, а по адресу тех этнологов, которые существуют и представлены на этой конференции.

«5) “Этнос”/народность — с марксистской точки зрения историческая категория, порожденная общественно-производственными отношениями, этнологами или идентифицируется с антропологическим понятием “раса”, что ведет к объяснению всех общественных явлений в их разнообразии расовыми свойствами (вульгарный материализм), или рассматривается как некая духовная сущность, формирующая в силу свойственных ей имманентных законов культуру того или иного народа (спиритуалистический идеализм)».

Когда я давал эту схему, то и привел это как иллюстрацию. Вы найдете промежуточные формы, которые должны быть учтены, и если мы расу возьмем как научное явление, то вы получите крах вульгарного материализма.

«6 (11)¹. Взаимоотношения этноса и культуры рисуются этнологами так: с одной стороны, нет этноса без культуры, «культура является одним из главнейших составных отличительных признаков этноса, этнос является только пассивным носителем культуры, которая пользуется им как постаментом для своего самопроизвольного выявления и развертывания, с другой стороны, этнос-носитель является необходимым условием для появления культуры, которая представляет собой не что иное, как результат специфического психического воздействия этноса на внешнюю среду. Таким образом, и этнос, и культура выявляются как некая органически связанная диада».

Я думаю, можно показать, что и такая точка зрения имеется.

«7 (12). Разбивая все человечество и созданную им культуру на целый ряд этносов, культур, этнологи то приписывают им вечные качества непроницаемости и постоянства, что ведет при соприкосновении их к смерти — уничтожению слабейших из них (оправдание империалистической колониальной политики), то наделяют их биологически-физическими свойствами (диффузия, осмос, скрещения—совокупления, мутации и т.д.),

¹ Так в тексте.

рассматривая процесс общественного развития (подмененный процессом культурного (л. 227) развития) как аналогичный явлениям неорганической и органической природы».

Я имел удовольствие сталкиваться с товарищами, которые доказывали, что совершенно правильно приветствовали британскую политику, что англичане, мол, культурный народ.

«8 (13). Построенные при помощи подобных ненаучных методологических приемов этнологические теории, естественно, приводят исследование в старые тупики естественно-научного (антропологического, географического, биологического, психического и т.п.) и спиритуалистического (божественного, идеалистического) объяснения истории».

(л. 228) «Являясь для целого ряда дисциплин буржуазного культуроведения (археология, лингвистика и т.д.) методологией, этнология превращается в этнологическое понимание истории (то сводимое к идеализму, то к вульгарному материализму), несовместимое с диалектически материалистическим пониманием».

«Поскольку этнология претендует на звание отдельной от социологии дисциплины, она должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову, знаменующим невозможность построить науку об обществе средствами буржуазной науки».

Последний тезис: «Диалектически-материалистический подход к вопросам культуры различных народов ведет к установлению примата общества — производственных отношений — базиса по отношению к культуре и ее составным элементам — общественным надстройкам. Силы развития лежат не внутри этих надстроек культуры, а кроются в развитии производственных сил. Марксистская социология — исторический материализм — разрешает основную задачу этнологии — происхождение и развитие культуры, уничтожая этнологию как особую науку. (Здесь Вы имеете элемент “снятия”.) Что же касается этнологического исследования отдельных “этнических культур”, “культурных кругов” и т.д., то оно превращается в социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ».